

Карл Густав Юнг "К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов"

Инаугурационная диссертация, выполненная под руководством профессора Ойгена Блейлера на медицинском факультете Цюрихского университета. В предлагаемом издании речь идет о перепечатке диссертации, которая лишь тем отличается от оригинала, что заключительное слово благодаря небольшим изменениям выдержано в более общей форме. Издано Освальдом Мютце, Лейпциг, 1902.

В обширной области психопатической неполноценности, где благодаря усилиям науки разграничены клинические картины эпилепсии, истерии и неврастении, мы встречаем отдельные и разобщенные наблюдения редких состояний сознания, относительно которых среди ученых пока нет согласия. Это — нарколепсия, летаргия, *automatisme ambulateur** (Скрытый автоматизм (фр.)), периодическая амнезия, *double conscience*** (Раздвоение сознания (фр.)), сомнамбулизм, патологические иллюзии, патологическая ложь и тому подобные явления, сообщения о наблюдении которых время от времени всплывают в литературе.

Названные состояния приписываются иногда эпилепсии, иногда истерии, иногда истощению нервной системы — неврастении, а иногда за ними признается статус болезни *sui generis**** (Своего рода (лат.))

Бывает, что пациенты, о которых идет речь, проходят через все диагнозы: начинают с эпилепсии и, миновав истерию, добиваются до симуляции.

На практике, с одной стороны, провести разграничительную линию между этими состояниями и вышеупомянутыми неврозами очень сложно (иногда этого сделать и вообще невозможно), а с другой стороны, некоторые их черты ведут за пределы области патологической неполноценности и указывают на родственную близость между данными явлениями и явлениями нормальной психологии (близость более существенную, нежели простая ана-

логия), более того — указывают на их сходство с явлениями психологии сверхполноценности, психологии гения.

Как бы ни были различны между собой явления этой области, все же нет, конечно, такого случая, который не был бы связан с другими, не менее типичными примерами посредством «мостика» из случаев промежуточных. Подобная родственная близость глубоко пронизывает клинические картины истерии и эпилепсии. Недавно раздавались даже голоса в защиту того мнения, что между эпилепсией и истерией вообще не существует четкой границы и что различие между ними становится очевидным только в экстремальных случаях. Так, например, Штеффенс говорит: «Естественным образом мы приходим к мысли, что по существу в характере эпилепсии и истерии вообще нет принципиальных различий, но здесь одна и та же причина болезни проявляется в различной форме и с разной степенью интенсивности и устойчивости»¹ (Ober drei Falle von «Hysteria magna», p. 928.).

С величайшими трудностями сталкивается также попытка разграничения истерии и известных пограничных форм эпилепсии, с одной стороны, и врожденными и приобретенными формами психопатической неполноценности — с другой. Симптомы той или иной болезни настолько глубоко проникают в пределы соседней области, что попытки рассматривать их обособленно, как принадлежащие к какой-либо одной сфере, заставляют прибегать к насилию над фактами. Отличить же психопатическую неполноценность от нормы — дело совершенно невозможное, различие здесь всегда колеблется в пределах «более» или «менее».

С теми же трудностями сталкивается классификация фактов внутри самой сферы неполноценности. Только в общих чертах можно выделить здесь известные группы, которые кристаллизуются вокруг некоторого ядра, обладающего особым, типическим характером. Если даже мы отвлечемся от обеих больших групп неполноценности — неполноценности интеллекта и эмоциональной сферы, — все же останутся случаи, имеющие по преимуществу или истерическую, или эпилептическую, или неврастеническую окрас-

ку, для которых ни ущербность интеллекта, ни ущербность эмоций не характерны. Вот в этой-то области, недоступной для надежной классификации, в основном и реализуются вышеупомянутые состояния. Они могут, и это хорошо известно, проявляться как местные симптомы типичной эпилепсии или истерии, а могут предстать в качестве образований в сфере психопатической неполноценности, причем квалификацию «эпилептические» или «истерические» эти состояния часто получают благодаря довольно-таки малосущественным, побочным признакам. Так, сомнамбулизм, как правило, причисляют к истерическим заболеваниям, поскольку он иногда предстает как местный симптом тяжелой истерии, или же из-за того, что его сопровождают более легкие, так называемые «истерические» симптомы. Бине говорит: «И n'y a pas un som-nambulisme, un etat nerveux toujours indentique a lui-meme, il y a des somnambulismes»²(Les Alterations de la personalite, p. 2. [«Нет единого сомнамбулизма, единого нервного состояния, всегда тождественного самому себе, а есть сомнамбулизмы» (фр.).])

. Сомнамбулизм как местный симптом тяжелой истерии — явление достаточно известное, но как самостоятельное патологическое образование, как болезнь *sui generis* он, должно быть — судя по скудости соответствующей немецкой литературы,— довольно-таки редок. Да и так называемый спонтанный сомнамбулизм на почве истерически окрашенной психопатической неполноценности — не слишком частое явление, и потому стоит затратить усилия на более точное рассмотрение случаев такого рода, так как они, может быть, предоставят нам массу интересных наблюдений.

Пациентка Е., 40 лет, не замужем, работает бухгалтером в большом магазине, имеет неотлгощенную наследственность. Самое большее, о чем можно было бы упомянуть,— это то, что ее брат, перенеся болезни и несчастья в семье, стал несколько нервным. Хорошее воспитание, мягкий, дружелюбный характер, экономная и здравомыслящая. Очень добродетельная и чуткая, она много делала для своих родителей, живущих в стесненных обстоятельствах, а также много помогала чужим семьям. Однако она не чувствовала себя счаст-

ливой — ей казалось, что она ни в ком не находит понимания. Прежде она всегда была здорова, но несколько лет назад ей пришлось лечиться от расширения желудка и ленточных глистов. За время болезни ее волосы очень быстро поседели. Позднее она перенесла тиф. Помолвка окончилась ничем из-за смерти жениха. В последние полтора года пациентка стала очень нервной. Летом 1897 г.— курс воздушных и водных процедур. Как рассказывает она сама, в течение примерно одного года у нее возникали во время работы такие моменты, когда ее мысли как бы застывали в неподвижности, хотя она при этом не засыпала и не допускала ошибок в своей работе. Идя куда-нибудь по улице, она часто выбирала неправильный путь и лишь потом замечала, что находится не там, куда шла. Головокружений или приступов физической слабости не наблюдалось. Менструация раньше была всегда регулярной, без осложнений каждые четыре недели; с тех пор как она стала чувствовать себя переутомленной и нервной — каждые 14 дней. С давнего времени она страдает от хронических головных болей. В качестве бухгалтера большого магазина пациентка делала работу, требующую сильного напряжения, и она выполняла ее старательно и добросовестно. В последний год к напряженной работе добавились всяческие неприятности: брат неожиданно вынужден был развестись; ей пришлось помимо своей работы вести его домашнее хозяйство, заботиться о нем и о его ребенке во время тяжелой болезни и так далее. 13 сентября она, чтобы отдохнуть, отправилась в путешествие к своей подруге в Южную Германию. Большая радость от встречи с подругой, по которой она давно скучала, и участие в празднике лишили пациентку столь необходимого для нее покоя. 15 сентября она, совершенно вопреки своим привычкам, вместе с подругой выпила поллитра красного вина. После этого они отправились гулять на кладбище. Здесь она принялась срывать цветы с могил и царапать надгробия, причем позже она не могла вспомнить ни одного из этих событий. 16 сентября она оставалась у своей подруги без каких-либо дальнейших происшествий. 17 сентября подруга привезла ее в Цюрих. Одна знакомая привела ее в лечебницу. По дороге речь ее была вполне ясной, однако

она чувствовала себя очень усталой. Перед лечебницей они встретили трех мальчиков, в которых пациентка «узнала» якобы выкопанных ею мертвецов. Ей тут же вздумалось идти на кладбище, которое находилось неподалеку от лечебницы, и доставить ее в приемный покой удалось лишь благодаря изощренным уговорам.

Пациентка невысокого роста, хрупкая, слегка анемичная. Граница сердца слева несколько увеличена, отчетливых шумов нет; периодическое раздвоение первого тона. На митральном клапане выраженные сильные тоны. Граница печени увеличена до края реберной дуги. Коленный рефлекс слегка усиленный, другие сухожильные рефлексy без патологии. Онемений и параличей не было. Сделанная руками приблизительная проверка поля зрения не выявила его сужения. Волосы на голове совершенно светлые, желтовато-белые. В остальном больная выглядит соответственно своему возрасту. О своей прежней жизни и о событиях последнего времени пациентка рассказывает совершенно здраво; только о том, что происходило на кладбище в Ц. и у входа в лечебницу, у нее не сохранилось никаких воспоминаний. В ночь с 17 на 18 сентября в разговоре с сиделкой она заявила, что видит, как комнату заполняют покойники, представшие как скелеты. При этом она совершенно не была напугана и удивлялась, что их не видит сиделка. Лишь раз она подбежала к окну, а в остальном беспокойства не проявляла. На следующее утро в кровати ей все время мерещились скелеты; после обеда это прошло. В следующую ночь она проснулась в 4 часа и «слышала», как с ближайшего кладбища зывали мертвые дети, якобы погребенные заживо. Она хотела выйти, чтобы откопать их, но ее удалось удержать. В 7 часов утра она все еще пребывала в делириозном состоянии и о событиях, происходивших на кладбище в Ц. и при подходе к лечебнице, помнила теперь совершенно отчетливо. Она рассказала, что в Ц. хотела выкопать мертвых детей, которые зывали к ней. Цветы она вырывала только для того, чтобы можно было освободить и затем открыть гробы. Пока она находилась в этом состоянии, профессор Блейлер объяснил ей, что и потом, в нормальном состоянии, она будет обо всем пом-

нить. До обеда больная проспала еще некоторое время, после чего была в совершенно здоровом рассудке и чувствовала себя относительно хорошо. Она действительно помнила теперь о припадках, но было очевидно, что относится она к ним с глубочайшим равнодушием. В последующие ночи, за исключением ночей с 22 на 23 и с 25 на 26 сентября, у нее снова были короткие приступы делириозного характера, в которых она имела дело с мертвыми; в деталях отдельные приступы различались между собой. Дважды она видела мертвецов в своей кровати; казалось, однако, что это ее нисколько не пугает. Более того, она уходила из постели, чтобы «не стеснять» их, а также неоднократно порывалась выйти из комнаты.

После нескольких спокойных ночей в ночь с 30 сентября на 1 октября последовал короткий приступ, во время которого она звала мертвецов из окна. В этот же период в дневное время она сохраняла здравый рассудок. 3 октября, будучи в полном сознании, она, как потом сама рассказывала, увидела в салоне множество скелетов. Хотя у нее уже были сомнения в их реальности, она тем не менее не смогла убедить себя в том, что это галлюцинации. Следующей ночью между полночью и часом — примерно в это же время начинались и предыдущие приступы — на протяжении примерно десяти минут пациентка была занята своими мертвецами. Она уселась в кровати и говорила, уставившись в угол: «Ну подойдите же — здесь, однако, пока еще не все — вы только должны подойти, зал достаточно велик, всем хватит места. Когда все будут здесь, я тоже приду». Потом она улеглась со словами: «Ну вот, теперь все здесь», — и снова заснула. К утру обо всех этих приступах у нее не сохранилось ни малейшего воспоминания. Совсем короткие приступы имели место ночами с 4 на 5, с 6 на 7, с 9 на 10, с 13 на 14 и с 15 на 16 октября всегда между 12 и часом ночи. Последние три попали на время месячного кровотечения. Сиделка многократно пыталась с ней заговорить, обратить ее внимание на горящие уличные фонари, деревья; больная не реагировала на эти обращения. Потом приступы прекратились, больная жаловалась на ряд недомоганий, которые уже бывали у нее раньше. А именно: ее мучили голов-

ные боли, которые, по словам пациентки, по утрам после приступов становились непереносимы. Хорошо и быстро помогал от этого 0,25 Sacch. lactis. Далее, она жаловалась на боли в обоих предплечьях, которые по ее описанию напоминали тендовагинит. Уплотнения и увеличения на сгибательных мышцах она принимала за опухоль и хотела, чтобы ей делали массаж. Поскольку объективных показаний не было, жалобы были игнорированы и впоследствии боли стали уменьшаться. Особенно много было с ее стороны жалоб из-за утолщения ногтя на пальце ноги, причем жалобы не прекратились даже после того, как утолщенная часть была удалена. Сон часто бывал беспокойным. Больная отказалась от своего данного ранее согласия принять сеанс гипноза с целью предотвращения ночных приступов. В конце концов она все же решилась на лечение гипнозом по поводу головных болей и нарушения сна. Она оказалась легко внушаемой и уже на первом сеансе погрузилась в глубокий сон с анальгезией и амнезией.

В ноябре ее вновь спросили, помнит ли она о приступе 19 сентября, относительно которого ей было внушено, что она будет в состоянии его вспомнить. Ей стоило большого труда восстановить его в памяти, и в конце концов она смогла рассказать только суть дела, забыв подробности.

Здесь необходимо также добавить, что больная совершенно не суеверна и в нормальном состоянии никогда особенно не интересовалась сверхчувственными вещами. В продолжение всего лечения, завершившегося 14 ноября, обращало на себя внимание полнейшее равнодушие больной к своей болезни и даже к своему выздоровлению. Следующей весной ей вновь пришлось амбулаторно лечиться по поводу головных болей, которые в течение нескольких месяцев постепенно возобновились из-за ее напряженной работы. В остальном ее самочувствие было вполне удовлетворительным. Надо отметить, что у больной совсем не сохранилось воспоминаний о приступах, имевших место предыдущей осенью, включая как приступ 19 сентября, так и предшествовавшие ему. Однако, находясь под гипнозом, она еще могла до-

вольно подробно рассказать о событиях на кладбище, перед лечебницей и во время ночных расстройств.

Судя по особенностям галлюцинаций и по своеобразному способу возникновения, этот случай напоминает те состояния, которые Краффт-Эбинг описывает как «продолжительные состояния истерического делирия». Вот что он говорит: «Таковы.. более легкие случаи истерии, при которых имеют место подобные делириозные состояния. Продолжительный истерический делирий возникает на почве временного истощения... Представляется, что его возникновению способствуют глубокие душевные переживания. Легко возникают рецидивы... Чаще всего обнаруживается делирий преследования с очень сильным реактивным страхом, а также религиозный и эротический делирий. Нередки галлюцинации всех органов чувств, Во всяком случае, наиболее частыми и существенными являются зрительные, обонятельные и осязательные иллюзии. Зрительные галлюцинации часто вращаются вокруг видений, связанных либо с животными, либо с похоронными процессиями, либо с фантастическими шествиями, которые кишат мертвецами, чертями, привидениями и тому подобным. Слуховые иллюзии — это просто эхоазмы (крик, гомон, выстрелы) или действительно галлюцинации, нередко с сексуальным содержанием»³(Lehrbuch der Psychiatrie, p. 581. (Цитата изменена.)).

Присутствие мертвецов в видениях нашей пациентки, а также то, что видения возникают приступами, позволяет говорить о сходстве с теми состояниями, которые иногда наблюдаются при истероэпилепсии,

30-летняя дама с *grande hystérie** (Сильной истерией (фр.)) страдает состояниями делириозного помрачения, в которых она по преимуществу сталкивается с ужасными галлюцинациями: ей видится, как у нее отнимают детей, как их пожирают дикие звери и т. д. Относительно содержания отдельных припадков у пациентки амнезия⁴(Richer, Etudes cliniques sur l'hystero-epilepsie, p. 483.).

Семнадцатилетняя пациентка, также тяжелая истеричка, в своих приступах каждый раз видит труп своей умершей матери, которая приближается,

чтобы притянуть ее к себе. По поводу приступов у пациентки амнезия⁵(1. с, р 487 ff., см. также: Erler, Hysterisches und hystero-epileptisches Irresein, p. 28, далее: Culierre, Un Cas de somnambulisme hysterique, p. 356.).

Процитированные случаи касаются тяжелой истерии, когда сознание глубоко охвачено иллюзиями. Некоторая схожесть с нашим случаем обнаруживается только в стабильности галлюцинаций; в этом отношении можно продолжать аналогии с соответствующими истерическими состояниями, например с теми случаями, в которых поводом к появлению истерических приступов был психический шок (изнасилование и т. п.) и где соответствующее событие, возбудившее болезнь, вновь стереотипно переживается в галлюцинациях. В нашем случае есть, однако, известная специфика, которая возникает благодаря идентичности сознания в различных приступах. Речь идет о некотором «*etat second*»** (Вторичном состоянии (фр.)), обладающем собственной памятью и обособленном от состояния бодрствования благодаря тотальной амнезии. В этом отличие от упоминавшихся до сих пор состояний помрачения и близость к так называемым сомнамбулическим состояниям.

Шаркоб (См.: Guinon, Documents pour servir a l'histoire des somnambulismes.) различает две основные формы сомнамбулизма:

1. Делирий с выраженной инкоординацией представлений и действий.
2. Делирий с координированными действиями. Это состояние приближается к состоянию бодрствования.

Наш случай относится к последней форме. Если под сомнамбулизмом понимать состояние систематического частичного бодрствования ⁷ («Луна-тизм следует рассматривать как систематическое частичное бодрствование, при котором в сознании возникает ограниченный, логически взаимосвязанный комплекс представлений. Контрпредставления проникнуть не могут, одновременно духовная деятельность в рамках ограниченной сферы бодрствования протекает с повышенной энергией» (Loewenfeld, Der Hypnotismus, p. 289).), то при обсуждении этого аффекта следует принимать во внимание также и те отдельные случаи проявляющейся приступами амнезии, которые

то и дело попадают в поле зрения наблюдателя. Это и есть — независимо от лунатизма — наиболее простые состояния того самого систематического частичного бодрствования. Из случаев, представленных в литературе, наиболее значительным является, конечно, тот, который описал Наэф⁸(Naef, Ein Fall von temporärer, totaler, theilweise retrograder Amnesie.). Речь идет о мужчине 32 лет, который, имея значительно отягощенную наследственность, обнаруживал многочисленные признаки частью функциональной, частью анатомической дегенерации. Вследствие перенапряжения он уже в 17-летнем возрасте имел характерное помраченное состояние с бредовыми идеями, о котором по излечении осталось общее воспоминание. Позднее он был подвержен частым приступам головокружения с сердцебиениями и рвотой; однако эти приступы никогда не были связаны с ущербом для сознания. Находясь в лихорадочном, болезненном состоянии, обследуемый неожиданно направился из Австралии в Цюрих, провел там несколько недель беззаботно и весело и пришел в себя только тогда, когда прочитал в газете заметку о своем внезапном исчезновении из Австралии. Тотальная ретроградная амнезия поразила значительную часть его воспоминаний о том многомесячном периоде, который включал в себя путешествие в Австралию, пребывание там и возвращение обратно. Случай периодической амнезии опубликовал

Азам⁹(Hypnotisme, double conscience et alterations de la personnalité. Аналогичный случай у: Winslow, *Obscure Diseases of the Brain and Disorders of the Mind*, p. 405.): Альберт Х., 12 с половиной лет, с истерическими симптомами, в течение нескольких лет он был подвержен повторяющимся состояниям амнезии, во время которых на многие недели забывал чтение, письмо, счет, отчасти даже речь. В промежуточных состояниях самочувствие было нормальным.

Пруст публикует случай «*automatisme ambulatoire*»* (Скрытого автоматизма (фр.)) на ярко выраженной истерической основе, который, однако, отличается от описанного у Наэфа многократностью возникающих приступов: 30-летний образованный мужчина обнаруживает все симптомы *grande*

hysterie, подвержен влияниям, время от времени под воздействием душевных переживаний испытывает приступы амнезии, продолжительность которых от двух дней до нескольких недель. В этом состоянии он путешествует, навещает родственников, портит у них различные вещи, делает долги и даже, «*procure acte de filouterie*»** (В результате мошенничества (фр.)), предстает перед судом и оказывается осужденным¹⁰(*Cas curieux d 'automatisme ambulatoire chez un hystirique.*).

Похожий случай тяги к бродяжничеству сообщает Бото: 22-летняя вдова с тяжелой истерией пугается предстоящей необходимости перенести операцию по поводу сальпингита; она покидает госпиталь, в котором находилась в тот момент, после чего впадает в сомнамбулическое состояние, а через три дня приходит в себя с тотальной амнезией. За эти три дня она проделывает путь около 60 км, чтобы отыскать своего ребенка¹¹(*Automatisme somnambulique avec dedoublement de la personnalite.*).

Уильям Джеймс сообщает случай «*ambulatory sort*»*** (Амбулаторного характера (англ.)): преподобный Ансельм Борн, странствующий проповедник, 30 лет, психопат, несколько раз имел приступы провалов в сознании продолжительностью около часа. Однажды (17 января 1887 г.) он неожиданно исчезает из Грина, сняв в банке со счета 551 доллар. Два месяца он числится без вести пропавшим. В это время под именем А. Дж. Брауна он ведет дела в мелочной лавке в Норристауне в Пенсильвании, причем регулярно заботится обо всех закупках, хотя никогда прежде не занимался чем-либо подобным. 14 марта 1887 года он неожиданно очнулся и вернулся обратно домой. По поводу соответствующего периода времени полная амнезия¹²(*The Principles of Psychology, I, p. 391.*).

Месне публикует следующий случай: Ф., 27 лет, сержант в африканских войсках, был ранен при Базее на Парьетале; в течение года, пока рана не зажила, имел гемиплегию, которая исчезла вместе с заживлением раны. В ходе болезни у пациента были припадки сомнамбулизма с сильным сужением сознания; все функции ощущений были парализованы почти полностью,

за исключением осязания и весьма небольшой части зрения. Движения были координированными, хотя при преодолении препятствий целесообразность их была ограничена. Во время приступов пациент демонстрировал навязчивую идею собирательства. Путем различных манипуляций можно было сообщить его сознанию галлюцинаторное содержание; например, ему давали в руки палку, после чего пациент тут же видел себя очутившимся на поле боя. Он находится на передовых постах, видит приближающегося врага и т. д.¹³(De l'automatisme de la memoire et du souvenir dans le somnambulisme pathologique. Цит. по: Binet, Les Alterations, p. 3 ff. См. также: Mesnet, Somnambulisme spontané dans ses rapports avec l'hystérie.)

Гийон и Софи Вольтке делали следующие опыты с истериками: во время приступа у пациентки перед глазами держали голубое стекло; она неизменно видела на нем портрет матери в голубых небесах. Красное стекло заставляло ее видеть кровоточащую рану, желтое — торговку апельсинами или даму в желтом платье¹⁴(De l'Influence des excitations des organes des sens sur les hallucinations.).

Случай Месне напоминает случаи приступообразного нарушения памяти.

МакНиж сообщает похожий случай: по видимости здоровая молодая дама внезапно, якобы без продромального симптома, впадает в глубокий, ненормально долгий сон. По пробуждении она забывает слова и все свои познания относительно простейших вещей. Она должна снова учиться читать, писать и считать. В изучении всего этого она делает стремительный прогресс. После второй атаки сна она просыпается вновь в первоначальном нормальном состоянии без каких-либо воспоминаний о происшедшем между тем эпизоде второго состояния. На протяжении более чем четырех лет эти состояния чередуются, причем внутри каждого из состояний сознание обнаруживает непрерывность, хотя оно и отделено амнезией от сознания другого состояния¹⁵(Philosophy of Sleep. Цит по: Binet, 1. с, p. 4 ff.).

Эти избранные случаи измененных состояний сознания проливают — каждый по-своему — некоторый свет также и на наш случай. У Наэфа показаны два истероформных нарушения памяти, из которых одно характеризуется порождением бредовых идей, а другое отличается продолжительностью во времени, нарушением сознания и страстью к бродяжничеству. Неожиданные и своеобразные импульсы становятся особенно очевидны в случаях Пруста и Месне. Порывы к обрыванию цветов и раскапыванию гробов, которые наблюдались в нашем случае, мы можем рассматривать как равноценную параллель. Непрерывность сознания, которую пациентка обнаруживала в различных приступах, напоминает состояние сознания в случае МакНиша, поэтому наш случай может рассматриваться как преходящий феномен чередующегося состояния сознания. Однако фантастическое галлюцинаторное содержание сознания в нашем случае не позволяет считать обоснованным безусловное причисление его к этой группе *double conscience*. Галлюцинации второго состояния демонстрируют известную продуктивность, которая, как представляется, обусловлена аутосуггестивностью этого состояния. В случае Месне мы видим появление галлюцинаторных процессов при простом тактильном возбуждении. Подсознание (*Unterbewußtsein*)* (В этой первой работе К. Г. Юнга термин «бессознательное» (*das Unbewußte*), впоследствии базовый в его теории, еще не приобрел своих позднейших смысловых очертаний. На это указывает то, что автор практически не отличает его от термина «подсознание» (*das Unterbewußte*) и пользуется обоими совершенно *promiscue* в одном и том же контексте, подчас в одном абзаце. В настоящем переводе всякий раз точно передается каждый из этих вариантов. Что касается слов «*Oberbewußtsein, oberbewußt*», то они переводятся как «сознание, сознательно(-ый)», поскольку нет никакого специального контекста, соответствующего смыслу приставки «*ober-*» («сверх-»), а также с целью избежать нежелательных ассоциаций, которые индуцировал бы перевод «сверхсознание». (Отв. ред.)) пациента использует простые восприятия для построения сложных сцен, которые потом берут в плен суженное сознание. Относитель-

но галлюцинаций нашей пациентки нам следует предположить нечто подобное; по крайней мере внешние обстоятельства, в которых происходило образование галлюцинаций, похоже, подкрепляют наше предположение.

Прогулка по кладбищу индуцирует видение со скелетами, встреча с тремя мальчиками пробуждает галлюцинацию о заживо погребенных детях, голоса которых пациентка слышит по ночам. Пациентка приходит на кладбище в сомнамбулическом состоянии, которое на этот раз из-за употребления алкоголя проявляется особенно интенсивно. Она совершает импульсивные действия, о которых ее подсознание, во всяком случае, получает известные впечатления. Нельзя недооценивать роль, которую сыграл при этом алкоголь; как известно, в подобных случаях он может вызвать не только ухудшение, но и усиление суггестивности, вызываемое им точно так же, как и любым другим наркотиком. Впечатления, полученные в сомнамбулическом состоянии, способны к самостоятельному разрастанию, они продолжают подсознательно формироваться и в конце концов попадают в сферу восприятия как галлюцинации. Тем самым наш случай оказывается тесно сопряжен с сомнамбулическими бредовыми состояниями, которые в последнее время стали объектами пристального изучения в Англии и во Франции.

Периоды отсутствия сознания, которые представляются первоначально бессодержательными, приобретают содержание благодаря случайной ауто-суггестии. До известной степени оно продолжает автоматически формироваться и его проникает в соседние области, т. е., например, к восприятию цветка присоединяется представление о руке, которая его срывает, или представление о запахе цветка, то мы теряем всякую возможность какого бы то ни было разграничения между автоматизмом бодрствования и автоматизмом сомнамбулического состояния. Единственными критериями различия становятся тогда понятия «более» или «менее». В одном случае мы говорим о галлюцинациях здоровых бодрствующих людей, а в другом — о «сомнамбулических бредовых видениях». Надежность истолкования припадков нашей пациентки как истерических возрастает в силу указания на возможную психогенность гал-

люцинаций. Она подкрепляется также жалобами пациентки (головная боль и «тендоваги-нит»), которые оказались доступны суггестивному лечению. Диагноз «истерия» недостаточно принимает во внимание только этиологический фактор, и можно было бы, в сущности, а priori ожидать, что в ходе болезни то и дело будут наблюдаться черты, которые могут быть истолкованы как проявления истощения, чему, в общем, так полно соответствует возможность излечить истощение покоем. Встает вопрос: не могут ли эти приступы — первоначально лакунообразные, а потом сомнамбулические — рассматриваться как состояния истощения, иначе говоря, как «неврастенический криз»? Мы, правда, знаем, что в области психопатической неполноценности возможны различного рода эпилептоидные состояния, принадлежность которых к эпилепсии или истерии по меньшей мере сомнительна. Вестфаль говорит буквально следующее: «Итак, опираясь на многообразные наблюдения, я утверждаю, что так называемые эпилептоидные припадки образуют один из наиболее общих и частых симптомов в той группе болезней, которые мы причисляем к душевным болезням и нейропатиям, и что ни для характера и формы заболевания, ни для его протекания или прогноза не является определяющим простое наличие одного или нескольких эпилептических или эпилептоидных припадков. При этом, как упоминалось, понятие эпилептоидности по отношению к приступу я употребляю в самом широком смысле»¹⁷ (Agoraphobie, p. 158.). Нет необходимости выдвигать на первый план эпилептоидные моменты нашего случая; против этого можно привести тот довод, что общий фон картины исключительно истерический. В противоположность этому необходимо указать на то, что не всякий сомнамбулизм *eo ipso** (Уже тем самым (лат.)) является истерическим. При случае и типичная эпилепсия демонстрирует состояния, которые с рассматриваемой стороны образуют прямую параллель сомнамбулическим состояниям или которые — за исключением действительных судорожных припадков — отличаются от истерических¹⁸(Pick, Vom Bewusstsein in Zuständen sogenannter

Bewufitlosigkeit, p. 202; далее: Pelman, Uber das Verhalten des Gedachtnisses bei den verschiedenen Formen des Irreseins, p. 78.).

Как показывает Диль'9 (Neurasthenische Krisen, p. 366: «Когда больные впервые описывают свои кризы, они, как правило, предлагают такую картину, которая наводит на мысль об эпилептическом расстройстве. Я довольно часто впадал в заблуждения такого рода»), на почве неврастенической неполноценности дело также может дойти до «кризов», которые, часто ставят диагноста в затруднительное положение. Определенное содержание представлений может даже стереотипно повторяться в отдельных кризах. Мёрхен²⁰ (fiber Dammerzustande, Fall 32, p. 75) также недавно опубликовал случай эпилептоидного неврастенического помраченного состояния.

Сообщению профессора Блейлера я обязан следующим случаем: образованный господин средних лет — эпилептических предвестников не наблюдалось — был истощен многолетней чрезмерной интеллектуальной работой. Без каких-либо иных продромальных симптомов (никакой депрессии или тому подобного) он, будучи на каникулах, предпринял попытку суицида: находясь в типичном помраченном состоянии, он неожиданно бросился в воду с облюбованного им места на берегу. Его тотчас же вытащили, воспоминание о происшедшем у него было самым поверхностным.

Принимая во внимание эти наблюдения, можно признать, что в приступах нашей пациентки доля неврастении весьма значительна. Головные боли и тендовагинит указывают на существование относительно легкой истерии, которая, однако, обычно протекает латентно и обнаруживает себя только под воздействием истощения. Генезис своеобразной картины этой болезни объясняет нам ее родственность эпилепсии, истерии и неврастении, которая была описана выше. Подведем итог: пациентка Элиза К. психопатически неполноценна, с тенденцией к истерическим аффектам. Под воздействием нервного истощения у нее появляются «эпилептоидные» припадки одержимости, объяснение которых нам пока неизвестно. Под влиянием непривычно большой дозы алкоголя приступы превращаются в отчетливые сом-

намбулизмы с галлюцинациями, которые фантастическим образом соединяются со случайными внешними восприятиями. При излечении нервного истощения истеро-формные явления также отступают.

В области психопатической неполноценности с истерической окраской мы встречаем многочисленные явления, которые, подобно вышеприведенному случаю, несут в себе симптомы определенных картин различных болезней, но не могут быть с уверенностью отнесены ни к одной из них. Частично эти состояния даже формируют самостоятельную картину болезни; таковы, например, патологическая ложь, патологический бред и т. д. Однако многие из этих состояний еще ждут внимательной научной проработки и пока пребывают в области более или менее далеких от науки анекдотов. Носитель этих состояний — или человек с хроническими галлюцинациями, или тот осененный вдохновением, кто привлекает к себе внимание окружающих то как поэт или художник, то как святой, пророк или основатель секты.

Генезис своеобразного состояния духа этих людей по большей части скрыт абсолютным мраком, ибо лишь изредка удастся подвергнуть точному наблюдению одну из таких примечательных фигур. Принимая во внимание, что довольно часто это личности большого исторического значения, следует признать, что обладание научным материалом, на базе которого мы могли бы более детально рассмотреть развитие их особенностей, представляется весьма желательным. За исключением произведений пневматологического направления начала XIX века — сегодня, впрочем, уже почти утративших свою ценность, — научная литература на немецком языке очень бедна соответствующими наблюдениями, и даже кажется, что существует прямое нежелание разрабатывать данную область. Тем фактическим материалом, который имеется в этой сфере, мы обязаны исключительно работам англо- и франкоязычных исследователей. Обогащение нашей литературы представляется желательным по меньшей мере с одной точки зрения. Эти размышления побудили меня опубликовать наблюдения, которые, возможно, будут способство-

вать расширению наших знаний об отношении истерических помрачений сознания к проблемам истории и к психологии нормальных людей.

1. Случай сомнамбулизма у женщины с отягощенной наследственностью (спиритического медиума)

Изложенный ниже случай я наблюдал в 1899 и 1900 годах. Я не был врачом пациентки С. В., так что не имел возможности провести телесное обследование истерических стигматов. Относительно сеансов я вел подробный дневник, заполняя его регулярно и тщательно. Последующее сообщение есть сжатое изложение этих заметок. В интересах С. В. и ее семьи изменены некоторые малозначительные даты и опущены различные детали при изложении ее романов, большую часть которых составляли весьма интимные моменты.

Пациентка С. В., 15 с половиной лет, протестантка. Дед по отцовской линии — духовное лицо; был очень умен; часто имел галлюцинации в бодрствующем состоянии. По преимуществу это были видения, но часто и целые драматические сцены с диалогами и т. д. Брат деда — имбецильный, взбалмошный — тоже духовидец. Сестра деда отличалась редким, своеобразным характером. Бабушка по отцовской линии на 20 году жизни после болезни, сопровождавшейся лихорадкой (тиф?), имела приступ мнимой смерти, в котором она находилась три дня и от которого постепенно пришла в себя лишь после того, как ей прижгли темя горячим железом. Позднее глубокие душевные переживания сопровождались у нее приступами физической слабости, почти регулярно приводившими к кратковременному сомнамбулическому состоянию, в котором она пророчествовала. Отец — своеобразная и оригинальная личность с причудливыми идеями. То же самое два ее брата. У всех троих бывали галлюцинации в бодрствующем состоянии (второе зрение, предчувствия и т. д.). Третий брат с эксцентричным, взбалмошным характером, односторонне одаренный. Мать от рождения психопатически неполноценна, часто на грани психотического состояния. Одна из сестер истеричка, с видениями, а другая страдает от «нервных сердечных приступов».

С. В. очень хрупкого телосложения, обнаруживает слегка рахитичное строение черепа без выраженной гидроцефалии, цвет лица несколько бледный, темные глаза со своеобразным колючим блеском. Не перенесла ни одного серьезного заболевания. В школе училась средне, заметного интереса ни к чему не проявляла, бывала рассеянна. В общем, в ее поведении преобладала застенчивость, которая, однако, могла внезапно уступить место самой необузданной, самой экзальтированной радости. Интеллект развит средне, ярких дарований не имеет. Она очень немзыкальна, не любит книг, предпочитает рукоделие или мечтательную праздность. Уже в школе она, как бы уносясь мыслями прочь, часто делала странные ошибки при чтении вслух, например вместо слова «Ziege» читала «Gais», вместо «Тгерре» — «Stege»* (Речь идет о замене слова близким синонимом или диалектным вариантом: Ziege — «коза», Geis — «коза» в южнонемецком диалекте, Тгерре — «лестница», Stege — «трап, сходни, мостки».); подобное случалось столь часто, что братья и сестры даже высмеивали ее за это. Каких бы то ни было иных отклонений от нормы у С. В. не наблюдалось; тем более никогда не обнаруживалось тяжелых истерических явлений. Семейство ее, состоящее из ремесленников и торговцев, имеет весьма ограниченный круг интересов. Книг мистического содержания в семье не терпели. Воспитание в семье оставляло желать лучшего. Братьев и сестер было много, и воспитывали их всех вместе, однако в обращении матери с детьми сказывались непоследовательность, необразованность, а часто и прямая грубость, и дети сильно страдали от этого. Отец был очень занят своей торговлей и не мог уделять детям много внимания; он умер задолго до того, как С. В. выросла. Нет ничего удивительного в том, что в этих малоутешительных обстоятельствах она чувствовала себя стесненной и несчастной. Нередко она боялась идти домой и в любом другом месте находилась с большим удовольствием, чем дома. Поэтому она много времени проводила с подружками в своих детских играх и, таким образом, взрослея, слабо развивалась в культурном отношении. Соответственно уровень ее образования остался относительно низким, а круг интересов весьма

ограниченным. Заметно ограничен также и объем ее литературных познаний. Она знает песни Шиллера и Гёте, обычно заучиваемые наизусть в школе, а также стихи некоторых других поэтов, кроме того, целиком или частично помнит некоторые песнопения и отрывки из псалмов. Что касается прозы, верхняя граница может быть обозначена романами Хаймбурга или теми художественными произведениями, которые печатаются в газетах. Книг более серьезного содержания она не читала вплоть до периода развившегося сомнамбулизма.

Дома и от подружек она слышала рассказы о столоверчении, и ее это заинтересовало. Однажды она пожелала, чтобы ей позволили принять участие в подобном эксперименте. Ее желание вскоре осуществилось. В июле 1899 года в порядке шутки С. В. несколько раз приняла участие в столоверчении в кругу своих подруг, а также братьев и сестер. При этом было сделано открытие, что она превосходный «медиум». Некоторые из ее сообщений носили весьма серьезный характер и были восприняты со всеобщим удивлением. Особенно поражал их пасторальный тон. Дух выдавал себя за дедушку медиума. Поскольку я был знаком с их семьей, мне удалось участвовать в соответствующих экспериментах. В начале августа 1899 года в моем присутствии имели место первые приступы сомнамбулизма. Протекали они по преимуществу следующим образом: С. В. медленно, сильно бледнея, опускалась на пол или на стул, закрывала глаза, впадала в каталепсию, делала несколько глубоких вдохов, после чего начинала говорить. На этой стадии она, как правило, бывала совершенно расслабленной, рефлексy век сохранялись, равно как и тактильная чувствительность. Она была восприимчива к неожиданным прикосновениям и пугалась их, особенно в начальной стадии.

Когда ее окликали по имени, она не реагировала. В своих сомнамбулических разговорах она исключительно ловко копировала умерших родственников и знакомых со всеми присущими последним особенностями, так что производила неизменное впечатление даже на зрителей, свободных от предубеждения. К примеру, она настолько точно копировала людей, которых

знала только по описанию, что любой слушатель не смог бы отказать ей по крайней мере в выдающемся актерском таланте. Постепенно к речи ее присоединялись также жесты, и это вело в конце концов к attitudes passionelles*(Установкам, внушенным страстью (фр.)), к целым драматическим сценам. Она принимала молитвенную, восторженную позу, говорила с сияющими глазами, и ее пылающая страстью речь прямо-таки околдовывала. При этом она пользовалась исключительно немецким литературным языком, на котором — в полную противоположность состоянию бодрствования, когда поведение ее было весьма неуверенным и стесненным, — она говорила с полнейшей уверенностью и привычностью. Ее движения были совершенно раскованны, полны изысканной грации и прекраснейшим образом выражали переменчивые состояния ее чувств. Поведение во время этой стадии в различных приступах изменялось по-разному и было необыкновенно разнородным. С. В. то спокойно лежала с закрытыми глазами на софе или на полу, не шевелясь, — это длилось от десяти минут до двух часов, — то, находясь в положении полулежа, говорила измененным голосом или на чужом языке, то пребывала в постоянном движении и принимала всевозможные пантомимические позы. Столь же изменчивым и бессистемным было содержание ее речей. То она говорила о себе в первом лице — преимущественно лишь для того, чтобы предсказать свой следующий приступ (это, правда, никогда не продолжалось долго); то она говорила о себе в третьем лице — и это было ее обыкновением. Тогда она представляла какого-либо другого человека — или кого-то из умерших знакомых, или произвольно выбранную личность, роль которой она последовательным образом разыгрывала после того, как сама давала ей характеристику. По окончании экстаза возникала, как правило, еще одна, каталептическая, стадия, которая постепенно переходила в пробуждение. Почти всегда имела место внезапно возникавшая бледность, доходившая до воскового анемического цвета, внушавшего опасения; нередко она появлялась уже в первой половине приступа, но часто возникала также и в его второй половине. Пульс при этом бывал слабым, но равномерным и нор-

мальной частоты, дыхание тихим, поверхностным, часто почти незаметным. Как уже было сказано, С. В. часто предсказывала свои приступы. Непосредственно перед приступом ее обуревали особенные чувства, она бывала возбуждена, слегка пуглива и временами высказывала мысли о смерти: говорила, что, возможно, однажды она умрет во время такого приступа, что так или иначе ее душа во время приступа связана с телом лишь очень тонкой нитью, что в теле ее часто едва теплится жизнь. Однажды после каталептической стадии наблюдалось тахипноэ* (Учащенное дыхание без его углубления.)

продолжительностью до двух минут с частотой до 100 вдохов в минуту. Первоначально приступы возникали спонтанно, позднее С. В. научилась их провоцировать, при этом она усаживалась в темный угол и прятала лицо в ладонях. Однако этот эксперимент частенько ей не удавался, у нее бывали так называемые «хорошие» и «плохие» дни.

Вопрос относительно амнезии после приступов является, к сожалению, весьма неясным. Во всяком случае, совершенно определенно, что после каждого приступа она точно ориентировалась в том, что пережила «в восхищении». И напротив, нет определенности в том, как она запоминала разговоры, которым служила в качестве медиума, и те изменения, которые происходили в ее окружении во время приступа. Часто возникала видимость того, что некоторое общее воспоминание об этом у нее уже было. Потому что непосредственно после пробуждения она часто говорила: «Кто здесь был? Не было ли здесь X или Y? Что он сказал?» Она обнаруживала также некоторую поверхностную ориентацию относительно содержания разговоров. Далее, она часто упоминала, что духи перед пробуждением сообщили ей, о чем шла речь. Однако зачастую это сообщение не соответствовало действительности. Когда же по ее требованию присутствовавшие сообщали содержание того, что она говорила в трансе, С. В. порой часами находилась в дурном настроении, особенно если имела место неделикатность по части чужих тайн. В таких случаях она могла чуть ли не браниться и часто заверяла, что в следующий раз просит своих проводников, чтобы подобных духов держали от нее подальше.

Ее негодование не было притворным, ибо в бодрствующем состоянии она едва могла справиться со своими аффектами, так что любое огорчение тут же обозначалось на ее лице. Относительно внешних событий во время приступа каждый раз казалось, что она совсем либо почти совсем не ориентируется в них. Она редко замечала, когда кто-то покидал комнату или входил. Так, однажды она запретила мне входить в комнату, так как ожидала сообщения, которое хотела бы утаить от меня. Я тем не менее вошел, сел вместе с другими тремя присутствовавшими и все прослушал. Глаза у С. В. были открыты, и она говорила, прямо обращаясь к присутствующим, но меня не замечала. Увидела она меня только тогда, когда я начал говорить, и следствием этого был взрыв искреннего возмущения. Что касалось слов других участников, слов, относившихся либо прямо к ней, либо к тому, что было сказано ею в трансе, то их она помнила несколько лучше, однако тоже, по-видимому, лишь в общих чертах. Я никогда не мог обнаружить в этом определенного отношения раппорта.

Наряду с этими «большими» приступами, которые всегда протекали с известной закономерностью, С. В. обнаруживала и большое число других автоматизмов. Предвидения, предчувствия, непредсказуемые состояния и внезапно меняющиеся настроения бывали у нее постоянно. Состояния обычного сна я не наблюдал ни разу. Напротив, мне сразу бросилось в глаза, что С. В. посреди оживленного разговора вдруг начинала говорить совершенно бессмысленно и спутанно, со своеобразной монотонностью, и при этом мечтательно смотрела перед собой полуприкрытыми глазами. Эти «отключения» длились обычно лишь несколько минут. Потом она внезапно спохватывалась: «Да, так что высказали?» Вначале она не хотела давать каких-либо разъяснений по поводу этих «отключений», отвечая уклончиво: ей-де стало немного не по себе, у нее головокружение и головная боль и т. д. Однако позднее она сказала просто: «Да они-то снова здесь» — имелись в виду ее духи. Подверженность такого рода «отключениям» была очень неприятна, и она часто оборонялась против них: «Я не хочу, я не могу теперь, они должны прийти в

другое время, они думают, что я существую только ради них». «Отключе- ния» преследовали ее также на улице или в магазине, вообще в любой ситуа- ции. Если это состояние настигало ее на улице, она прислонялась к какому- нибудь дому и пережидала, пока приступ не проходил. Во время этих «от- ключений», интенсивность которых всегда была очень различной, у нее ре- гулярно бывали видения, кроме того, она очень часто «путешествовала» — и это особенно относится к тем приступам, когда она сильно бледнела; это зна- чило, по ее словам, что она покидала свое тело и перемещалась в отдаленные места, куда переносили ее духи. Дальние путешествия в экстазе требовали от нее особого напряжения. После этого она часами бывала совершенно изну- ренной и жаловалась иногда, что духи снова вытянули из нее все силы, что подобные перенапряжения — это слишком тягостно для нее, что духи долж- ны поискать себе другого медиума и т. п. Однажды после подобного экстаза наступила получасовая истерическая слепота. Она шла покачиваясь, ощупью, ее нужно было вести, она не видела светильника, стоявшего на столе. Зрачки реагировали.

Видения случались у нее также и помимо собственно «отключений» — если этим словом мы будем обозначать только глубокие нарушения внима- ния — и даже в большом количестве. Первоначально видения держались в рамках первой стадии сна. Некоторое время после того, как С. В. укладыва- лась в постель, комната освещалась, и из общего туманного свечения выде- лялись белые, сияющие образы. Все до единого они были облачены в белые, струящиеся одежды, женщины носили головной убор, напоминающий тюр- бан, и пояс. Похоже (все это по сообщениям С, В.), «духи, изготовившись, уже стояли у постели», когда С. В. собиралась лечь. В конце концов она ста- ла видеть духов и среди бела дня, правда лишь смутно и кратковременно, до тех пор пока не наступало собственно «отключение», и тогда образы уплот- нялись до осязаемой натуральности. Однако она всегда предпочитала темно- ту. Как представляется по сообщениям С. В., содержание видений в подав- ляющей части носило необыкновенно приятный характер. В созерцании пре-

красных образов она испытывала чувство блаженного воодушевления. Значительно реже бывали ужасные видения демонического характера: они появлялись исключительно в ночное время или в темном помещении. Иногда С. В. видела черные образы на ночной улице или в своей комнате; однажды она очень испугалась, столкнувшись лицом к лицу с ужасной медно-красной физиономией, которая тупо уставилась на нее из темноты прихожей. Я не мог получить сколько-нибудь удовлетворительных сведений относительно первого появления видений. С. В. сообщает, что однажды на пятом или шестом году жизни ей привиделся проводник — ее дед, которого она никогда не знала при жизни. Я не мог получить от родственников С. В. никаких объективных исходных данных для этого раннего видения. Позднее ничего подобного не происходило вплоть до первого сеанса столоверчения. За исключением гипнагогического свечения и мелькания искр, никогда не было даже элементарных галлюцинаций, однако начавшись, они сразу же приобрели систематический характер и затрагивали все органы чувств в равной степени. Что касается интеллектуальной реакции на эти явления, то просто ошеломяло, до какой степени естественно С. В. воспринимала свои фантазии. Все ее развитие в сомнамбулу, все ее бесчисленные загадочные переживания представлялись ей само собой разумеющимися. Все свое прошлое она рассматривала только в этом свете. Любое мало-мальски значительное событие прежних лет находилось в необходимой и ясной связи с ее нынешним состоянием. Она была счастлива сознанием того, что нашла истинную задачу своей жизни. Она, конечно, была непоколебимо убеждена в реальности видений. Я часто пытался предложить ей критическое объяснение, однако она держалась всегда уклончиво, причем в обычном состоянии была маловосприимчива к разумным объяснениям, а в состоянии гемисомнамбулизма находила последние бессмысленными, даже оскорбительными для нее. Так, однажды она сказала: «Я не знаю, правда ли то, что говорят мне духи, и то, чему они меня учат; я, наконец, не знаю и того, те ли они на самом деле, чьими именами себя называют, но то, что мои духи существуют — тут вопроса нет. Я вижу их перед

собой, я могу их ощущать, я говорю с ними обо всем, о чем захочу, так же громко и естественно, как я разговариваю теперь. Они действительно существуют, и это не может быть иначе». О болезненности своих явлений она совершенно не желала знать. Вообще, сомнения в ее здоровье и в реальности миров ее фантазии глубоко огорчали С. В. Ей очень мешали мои наблюдения, так что она закрывалась от меня и долгое время отказывалась экспериментировать в моем присутствии; поэтому я остерегался впоследствии выражать вслух слишком уж явные сомнения и подозрения. Зато С. В. пользовалась безраздельным почтением и восхищением со стороны ближайших родственников и знакомых, которые просили у нее совета относительно всевозможных вещей. Она со временем приобрела столь сильное влияние на своих приверженцев, что трое из ее родственников тоже начали галлюцинировать, причем аналогичным образом. По большей части эти галлюцинации начинались как ночные сновидения очень оживленного, драматически завершенного характера, которые постепенно перетекали в бодрствующее состояние, частью гипнагогически, частью гипнопомпически. В частности, замужняя сестра С. В. имела исключительно яркие сновидения, которые последовательно разворачивались от ночи к ночи и наконец появились и в бодрствующем сознании, сначала как неясные иллюзии, потом как настоящие галлюцинации, однако они никогда не достигали пластической выразительности видений С. В. Так, например, она видела во сне черный демонический образ, который подходил к ее кровати, оживленно переговариваясь с белым, прекрасным образом, пытавшимся удержать черного; черный, несмотря на это, набросился на нее и стал душить, она же при этом проснулась. Ей привиделась склонившаяся над ней черная тень с человеческими очертаниями и рядом белый

туманный образ. Видение пропало только тогда, когда она включила свет. Такие же и подобные этому видения повторялись дюжинами. Видения двух других родственников были аналогичного характера, но меньшей интенсивности.

Приступы описанного типа, содержащие массу фантастических видений и идей, менее чем за месяц развились до самой высокой степени, впоследствии уже непревзойденной. Что добавилось позже, так это упорядочивание всех этих мыслей и циклов видений, которые уже и в самом начале толковались до некоторой степени систематически, как бы по некоторой программе. Наряду с «большими» приступами и малыми, но по содержанию равноценными состояниям «отключения», достойна упоминания еще одна, третья категория состояний. Это состояния геми-сомнамбулизма. Они возникают в начале или в конце «больших» приступов, однако случаются и независимо от них, сами по себе. Оформлялись эти состояния постепенно в течение первого месяца. Привести точные данные относительно времени их возникновения невозможно. В подобном состоянии бросается в глаза застывшее выражение лица, блестящие глаза и характерная важность и размеренность движений. В этих состояниях С. В. остается сама собой; соответственно выступает ее сомнамбулическое Я. При этом она в полной мере ориентируется во внешнем мире, хотя можно сказать, что одновременно одной ногой она стоит в мире своих грез. Она видит и слышит своих духов, видит, как они снуют по комнате между участниками кружка, как останавливаются то возле одного, то возле другого. Она располагает ясными воспоминаниями о бывших у нее видениях, о своих путешествиях и о воспринятых ею поручениях. Она говорит спокойно, ясно и определенно и постоянно пребывает в серьезном, почти торжественном настроении. Всем существом своим она демонстрирует глубокую религиозность, свободную от привкуса пиетизма; в ее языке, в частности, не чувствуется ни малейшего влияния языка Библии или жаргона религиозных трактатцев, характерного для ее проводника. Ее торжественное поведение несет на себе налет меланхолии, в нем есть черты страдания. Она болезненно ощущает большую разницу между своим ночным, идеальным миром и грубой повседневностью. Это состояние обнаруживает резкую противоположность ее бодрствованию, в нем нет и следа того неуверенного, негармоничного существа, того импульсивного, нервного темпе-

раamenta, который так характерен для ее поведения в остальном. Когда говоришь с ней, то испытываешь чувство, будто беседуешь с человеком, на много лет старшим, который благодаря обширному жизненному опыту достиг спокойствия, гармонии и степенности. Именно в этом состоянии она и выдавала лучшие свои результаты, в то время как ее романы по большей части обращались к предметам, составлявшим интересы ее бодрствования. Гемисомнамбулизм проявлялся преимущественно спонтанно, как правило, во время экспериментов со столом, и это проявлялось каждый раз в том, что С. В. начинала предвосхищать каждое сообщение стола. Тогда она обыкновенно прекращала столоверчение и через короткое время более или менее внезапно впадала в экстаз. С. В. проявила себя весьма восприимчивой. Она могла угадывать простейшие вопросы, о которых только думал какой-нибудь участник кружка, сам не бывший медиумом, и отвечать на них. Было достаточно положить руку на стол или ей на руку, чтобы это дало необходимый импульс. Ментального перенесения мыслей достичь никогда не удавалось. На фоне очевидного расширения ее личности тем заметнее становилось сохранение ее прежнего, обычного характера. С нескрываемым удовольствием разделяла С. В. все маленькие детские переживания, все влюбленности и сердечные тайны, все проказы и все пробелы в воспитании, которые присущи девицам ее возраста и положения. Для каждого, кто не знал ее тайны, она была девочкой пятнадцати с половиной лет, которая ничем не отличалась от тысяч ей подобных. Тем большим бывало удивление, когда ее узнавали с другой стороны. Для ближайших родственников это превращение первоначально было непостижимым; отчасти они так никогда и не поняли этого, и дело доходило до жестоких споров в семье, поскольку одна часть составила партию сторонников С. В., а другая — партию ее противников; одни предались мечтательной переоценке, а другие — презрительному осуждению «суеверия». Таким образом, в то время, когда я был близко знаком с С. В., она вела довольно странное, полное противоречий существование, своеобразную двойную жизнь — жизнь разных личностей, чередующихся или сосуществующих ря-

дом и постоянно оспаривающих позиции одна у другой. Далее в хронологическом порядке следуют сообщения о некоторых наиболее интересных сеансах.

а) Сообщения о сеансах

Первый и второй сеансы, август 1899 г. С. В. тотчас же приняла на себя ведение «коммуникаций». «Психограф» — в данном случае перевернутый стакан для питья, на который были положены два пальца правой руки, — передвигался с молниеносной скоростью от буквы к букве. (Листочки с написанными на них буквами и цифрами были разложены вокруг стакана.) Последовало сообщение, что здесь находится дед «медиума» и он будет говорить с нами. Далее шел быстрый ряд многочисленных сообщений преимущественно религиозно-поучительного характера; частью в правильно оформленных словах, отчасти с перестановками, а иногда с обратным порядком букв. Последние слова и предложения возникали так быстро, что проследить за содержанием не представлялось возможным, лишь после можно было узнать его. Эти коммуникации один раз были бесцеремонным образом прерваны новой коммуникацией, которая возвестила о присутствии дедушки автора. При этом событии было сделано шутовское замечание, что «очевидно, эти два духа с трудом переносят друг друга». Пока шли опыты, наступили сумерки. Внезапно С. В. встревожилась, испуганно вскочила, упала на колени и закричала: «Вот, вот, разве вы не видите этот свет, эту звезду вот здесь?» — и указала на темный угол комнаты. Она становилась все более возбужденной и испуганно требовала света. С. В. была бледна, плакала: ей так не по себе, она не понимает, что с ней происходит. Когда загорелся свет, она успокоилась. опыты были прекращены.

На следующем сеансе, который состоялся через два дня, опять вечером, вновь были достигнуты аналогичные коммуникации с дедушкой С. В. С наступлением темноты С. В. внезапно откинулась на софу, побледнела, полуприкрыла глаза и лежала неподвижно. Рефлексы век сохранялись, так же как и тактильная чувствительность. Дыхание было тихим, почти незаметным,

пульс поверхностный, мягкий. Это состояние длилось около получаса, после чего С. В., глубоко вздохнув, внезапно поднялась. Сильная бледность, которая сохранялась на протяжении всего припадка, уступила место прежнему, бледно-розовому цвету лица. С. В. была сконфужена и смущена, объяснила, что видела много всего, но не захотела ничего рассказывать. Только после самых настойчивых расспросов она сказала, что, будучи в состоянии своеобразного бодрствования, она видела своего дедушку рука об руку с дедушкой автора. Потом они неожиданно проехали мимо нее, сидя рядом в открытой коляске.

Третий сеанс. На третьем сеансе, состоявшемся через несколько дней,— тот же приступ, аналогичный прежним, продолжительностью немногим более получаса. С. В. рассказывала после этого о многочисленных белых, светящихся духах, каждый из которых передал ей по цветку с особым символическим значением. По большей части это были умершие родственники. О более детальном содержании разговоров она упорно умалчивала.

Четвертый сеанс. После того как С. В. впала в сомнамбулизм, она начала делать странные движения губами, издавая при этом глотающие и булькающие звуки. Потом зашептала очень тихо и невнятно. Это явление длилось несколько минут, потом она неожиданно начала говорить изменившимся и низким голосом. Она говорила о себе в третьем лице: «Ее нет здесь, она далеко». После этого последовало несколько фраз религиозного содержания. По содержанию и языку легко было заключить, что копировался ее дедушка, который был священником. Смысл речей не выходил за рамки духовного уровня «коммуникаций». Тон голоса был несколько искусственным и принужденным и начал приобретать естественность только тогда, когда в ходе разговоров стал все больше приближаться к голосу медиума. (В последующих сеансах голос ненадолго изменялся только тогда, когда объявлялся новый дух.) После окончания приступа сказанное в трансе было забыто. Объяснения по поводу пребывания в потустороннем мире: она говорила о

немыслимом блаженстве, которое ощущала. Следует еще заметить, что речь ее во время приступа была совершенно спонтанной и ей не предшествовало соответствующей суггестии.

Непосредственно после этого сеанса С. В. познакомилась с книгой Юстинуса Кернера «Ясновидящая из Преворста»²¹ (Первое издание 1829 г.). После этого С. В. начала магнетизировать себя по окончании приступов, прибегая отчасти к равномерным пассам, отчасти к странным движениям — круговым, напоминающим восьмерку, — которые она совершала симметричным образом одновременно обеими руками. Она делала это, как она сама объясняла, для избавления от сильной головной боли, начинавшейся после приступов. На одном из сеансов в августе (здесь не отреферирован) к дедушке присоединились многочисленные прочие духи, духовно родственные ему, которые, однако, не произвели ничего достойного внимания. Всякий раз, когда выступал кто-то новый, бросалось в глаза, как изменялись движения стана: чаще всего он пробегал вдоль целого ряда, натываясь на те или иные буквы, но никакого смысла из этого не вытекало. Орфография была самая произвольная и неуверенная, и первые предложения часто оказывались незаконченными или прерывались совершенно бессмысленной мешаниной из букв. После этого обычно происходило активное записывание. Несколько раз пытались прибегнуть к автоматическому письму в полной темноте. Записывающие движения начинались с энергичных порывистых толчков всей руки, так что карандаш протыкал бумагу. Первые пробы письма состояли из многочисленных штрихов и зигзагообразных линий сантиметров десяти высотой. При дальнейших попытках сначала появлялись нечитаемые, очень крупно записанные слова, и лишь постепенно почерк становился мельче и отчетливее, почти не отличаясь от почерка медиума. Контролирующим духом снова был дедушка.

Пятый сеанс. Сомнамбулический припадок в сентябре 1899 г. С. В. сидит на софе, откинувшись назад, закрывает глаза, дышит тихо и ритмично. Постепенно она впадает в каталепсию. Через две минуты каталепсия исчеза-

ет, после чего С. В. лежит, полностью расслабив мускулы, и, по всей видимости, спокойно спит. Неожиданно она начинает говорить приглушенным голосом: «Нет, ты возьми красное, а я возьму белое.— Ты можешь взять зеленое, а ты голубое.— Вы готовы?— Мы хотим теперь уйти». (Пауза на несколько минут, во время которой лицо покрывается мертвенной бледностью. Ее руки холодны на ощупь и тоже в большой степени анемичны.) Внезапно она выкрикивает громким, торжественным голосом: «Альберт, Альберт, Альберт! (потом шепотом) — Так, теперь ты говоришь»,— после чего следует долгая пауза, во время которой бледность лица достигает предельной степени. Снова громким, торжественным голосом: «Альберт, Альберт, ты не веришь своему отцу?— Я говорю тебе, в учении Н. много заблуждений.— Подумай об этом».— Пауза. Бледность лица несколько спала.— «Так, он очень напуган, он не может больше говорить». (Эти слова последовали в тоне обычного разговора.) — Пауза.— «Он, конечно, подумает над этим». Теперь С. В. говорит ровным тоном и далее на чужом языке, который похож на французский или итальянский, напоминая то один, то другой. Она говорит плавно и грациозно в очень высоком темпе, так что некоторые слова еще можно понять, но их трудно все запомнить, поскольку они незнакомые. Слова время от времени повторяются, как, например: wena, wenes, wenaі, wene и т. д. Ошеломляющее впечатление производит именно абсолютная естественность сообщения. Время от времени С. В. делает паузы, будто кто-то ей отвечает. Неожиданно она говорит по-немецки: «Как, разве уже время?» (Огорченным голосом.) «Я уже должна идти?— Всего доброго, всего доброго!» При последних словах по ее лицу проходит выражение неопишуемого экстатического блаженства. Она поднимает руки, ее закрытые до тех пор глаза открываются, сияющий взгляд устремляется вверх. На мгновение она застывает в этой позе, потом руки расслабленно падают вниз, глаза закрываются, выражение лица становится усталым и изнуренным. После короткой каталептической стадии она со вздохом просыпается. Удивленно оглядывается вокруг: «Не правда ли, я снова спала?» Ей рассказывают, что она говорила во сне, по поводу чего она вы-

ражает сильное негодование, которое возрастает еще больше, когда она узнает, что говорила на чужом языке. «Я ведь говорила духам, я не хочу, можно было бы и без этого, это слишком сильно утомляет меня». (Начинает плакать.) «О боже, неужели все, все должно повториться, как в последний раз, неужели мне ничего не простится?»»

На следующий день в то же время снова приступ: после того как С. В. заснула, внезапно объявился Ульрих фон Гербенштайн. Он оказывается веселым болтуном, очень складно говорит на литературном немецком языке с северным акцентом. Будучи спрошен, что сейчас делает С. В., он после долгих отговорок признает, что она далеко отсюда и он здесь затем, чтобы позаботиться о ее теле, дыхании, кровообращении. Он должен также проследить, чтобы ею между тем не овладел и не причинил ей вреда никакой Черный. После настойчивых расспросов он рассказывает, что С. В. вместе с другими отправилась в Японию, чтобы явиться там одному дальнему родственнику и удержать его от глупой женитьбы. Потом шепчущим голосом он сообщает момент, когда происходит явление, на несколько минут запрещает всякие разговоры, указывает на внезапно возникшую при этом бледность С. В., замечая, что материализация на столь большие расстояния соответственно стоит больших сил. Потом он предписывает холодный компресс вокруг головы, чтобы уменьшить головную боль, которая наступит у нее после этого. Вместе с постепенным возобновлением прежнего живого цвета лица становится оживленнее и разговор. Он вращается вокруг всевозможных детских шуток и мелочей; неожиданно У. фон Г. говорит: «Я вижу, они идут, хотя еще далеко. Во всяком случае, я вижу, вон она там, словно звездочка». С. В. указала на север. Конечно, тут же последовал удивленный вопрос, почему они приходят не с востока, на что У. фон Г. со смехом заметил: «Да они ведь идут прямым путем, через Северный полюс. Ну, я пошел, всего доброго!» Сразу после этого С. В. со вздохом просыпается, она печальна, жалуется на головную боль.

Она видела, что возле ее тела находился У. фон Г.; что он рассказал? Она сердится на «глупую болтовню», которой он мог бы и не допускать.

Шестой сеанс. Начинается как обычно. Глубокая бледность. Лежит вытянувшись, едва дыша. Неожиданно она говорит громким, торжественным голосом: «Да не пугайся ты, это я! Я предупреждала тебя относительно учения Н. Взгляни-ка, в надежде уже содержится все, что относится и к вере.— Ты хочешь знать, кто я?— Бог там, где ты этого менее всего ожидаешь.— Разве ты не знаешь меня?» После этого разобрать шепот невозможно. Пробуждается несколько мгновений спустя.

Седьмой сеанс. С. В. быстро засыпает, лежит, вытянувшись на софе. Она очень бледна. Ничего не говорит, время от времени глубоко вздыхает. Открывает глаза, поднимается, садится на софу, сильно наклоняется вперед и тихо говорит: «Ты тяжело грешила, ты низко пала». При этом склоняется вперед так, будто говорит с кем-то, кто стоит перед ней на коленях. Она встает, поворачивается направо, вытягивает руку и указывает на то место, над которым склонялась перед тем. «Ты простишь ей?— спрашивает она громко.— Прощай не людям, прощай их духам. Не они грешили, а их человек». После этого она падает на колени и примерно на десять минут застывает в молитвенной позе. Затем внезапно поднимается, устремляет в небо экстатически восхищенный взгляд, вновь резко опускается в коленопреклоненную позу и, положив лицо на руки, шепчет непонятные слова. В этой позе она на несколько минут застывает неподвижно, потом просыпается, поднимает вновь прояснившееся лицо и ложится на софу, после чего просыпается.

Б) Развитие сомнамбулической личности

Многие сеансы начинались с того, что стакану предоставляли возможность двигаться спонтанно, после чего каждый раз следовало требование: «Вы должны спросить». Поскольку в сеансах принимали участие весьма убежденные спириты, то, конечно, тут же спрашивалось о всяческих спиритических странностях, прежде всего о «духах-защитниках». В ответ на эти вопросы возникали имена иногда кого-то из умерших знакомых, а иногда и совсем незнакомые, как, например, Берта де Вало, Элизабет фон Тирфельзенбург, Ульрих фон Гербенштайн и т. д. Контролирующим духом был почти

исключительно дедушка медиума, который однажды объяснил, что любит ее больше всего в этом мире, поскольку покровительствует ей с самого ее детства и знает все ее мысли. Эта личность порождала поток библейских высказываний, поучительных наблюдений и песнопений из книг псалмов, а также строфы собственного сочинения, вроде этих:

Небесным утешеньем дорожи, Будь тверд и стоек в верности и в вере.
Господь — хранитель для твоей души. С Ним претерпи все беды и потери.
Молитвой от несчастий защитись, Когда нужда земная гнет, съедает. Душа, в молитве устремившись ввысь, Приемлет все, что Бог ни посылает.

Нельзя не заметить, что подобная пачкотня, изливавшаяся довольно обильно, обязана своим происхождением какому-нибудь трактату — ее выдает банальное, елейное содержание. С тех пор как начались экстатические речи С. В., стали развиваться энергичные разногласия между членами кружка и этой сомнамбулической личностью. Содержание получаемых от нее ответов было по существу тем же, что и содержание психографических сообщений — банальным и обще поучительным. Для этой особы характерна сухая, скучная серьезность, ригористическая мораль и пиетистская набожность (что не соответствует исторической реальности). Дедушка — проводник и покровитель медиума. Во время экстаза он дает разнообразные и поучительные советы, предсказывает последующие приступы, явления, которые наступят при пробуждении, и тому подобное. Он предписывает холодные компрессы, дает указания относительно позы медиума, распорядка сеансов и т. д. Его отношение к медиуму исключительно нежное. Резкую противоположность этому несколько тяжеловесному фантастическому персонажу образовала другая личность, которая периодически уже всплывала в психографических сообщениях первых сеансов. Вскоре она раскрывает себя как умерший брат господина Р., принимавшего тогда участие в сеансах. Этот умерший брат, господин П. Р., сыпал общие фразы о братской любви к своему живому брату и т. п. От специальных вопросов он всячески уклонялся. При этом он обнаружил прямо-таки удивительную словоохотливость в общении с дамами круж-

ка, и одной из них — даме, которая никогда не была знакома с господином П. Р. при его жизни,— признался в своем поклонении. Он утверждал, что еще при жизни мечтал о ней, что часто встречал ее на улице, не будучи с ней знаком, и что теперь весьма рад познакомиться с ней таким необычным способом. Своими плоскими комплиментами, насмешливыми замечаниями в адрес мужчин, невинными детскими шуточками и тому подобным вздором он заполнял значительную часть сеансов. Многие участники кружка выражали негодование по поводу легкомыслия и банальности этого «духа», после чего последний исчезал на один или два сеанса, но вскоре появлялся вновь и сначала бывал тихим, часто даже по-христиански кротким, а потом опять впадал в свой прежний тон.

Наряду с этими резко противоположными личностями появлялись и другие, которые лишь немного варьировали тип дедушки; по большей части это были умершие родственники медиума. В соответствии с этим общий тон сеансов был торжественно поучительным, лишь время от времени его нарушала тривиальная болтовня господина П. Р. Господин Р. покинул наш кружок через несколько недель после начала сеансов, и сразу после этого в поведении господина П. Р. наступило заметное изменение. Он стал односложен, появлялся реже и после нескольких сеансов пропал совсем, чтобы потом возникать лишь изредка, преимущественно тогда, когда медиум бывала один на один с упомянутой дамой. После этого на первый план пробилась другая личность; в отличие от господина П. Р., говорившего на диалекте, речь этого была несколько жеманной, с северонемецким акцентом. В остальном он был точней копией господина П. Р. Его словоохотливость тем более примечательна, что сама С. В. говорила на весьма небезупречном немецком языке, в то время как речь нового лица, назвавшегося Ульрих фон Гербенштайн, была безукоризненна и обильно украшена любезными фразами и комплиментами²²(Следует отметить, что в доме С. В. бывает господин, имеющий северонемецкий выговор.).

Фон Гербенштайн — это шутник, находчивый зубоскал, фланер, большой почитатель дам, легкомысленный и весьма поверхностный. В течение зимы 1899/ 1900 года он постепенно все более овладевал ситуацией, все заметнее принимал на себя все функции дедушки, и под его влиянием характер сеансов заметно потерял в серьезности. Все контрсуггестии оказались бессильными, и в конце концов стали увеличиваться интервалы времени, на которые откладывались сеансы.

Необходимо упомянуть о следующем обстоятельстве, которое имеет отношение ко всем этим сомнамбулическим личностям. В их распоряжении — вся память медиума, включая и ее бессознательную (unbewußter) часть; и в тех видениях, которые были у медиума в экстазе, они, в общем, тоже ориентируются, хотя знакомство с фантазиями, имевшими место в экстазе, у них самое поверхностное. О сомнамбулических грезах они знают только то, что могли бы узнать и от участников кружка. Они никогда не в состоянии дать разъяснения по поводу спорных вопросов или дают только такое, которое вступает в противоречие с разъяснениями самого медиума. На вопросы об этом дается стереотипный ответ: «Спросите Ивенс, Ивенс знает об этом»²³(Ивенс — это мистическое имя сомнамбулического ЛГ медиума.). Из приведенных выше примеров различных состояний экстаза видно, что сознание медиума во время транса совсем не остается бездеятельным, как раз наоборот, оно развивает необыкновенно разнообразную фантазирующую деятельность. При реконструкции сомнамбулического Я С. В. мы вынуждены ограничиться лишь ее рассказами о своих переживаниях, так как, во-первых, спонтанные проявления ее Я, привязанного к бодрствующему состоянию, скудны и по большей части мало взаимосвязаны, а, во-вторых, очень многие экстазы протекают без пантомимы и речи, так что из внешних проявлений невозможно сделать какие-то выводы о внутренних процессах. С. В. по преимуществу обнаруживает тотальную амнезию относительно автоматических феноменов во время экстаза, поскольку они попадают в сферу личностей, чуждых ее Я. Обо всех других феноменах — таких, как разговор вслух, глос-

солалия и т. п., напрямую связанных с ее собственным Я,— как правило, сохраняется ясное воспоминание. Однако определенно можно сказать, что во всех случаях тотальная амнезия присутствовала только в первые мгновения после экстаза. Амнезия постепенно исчезает к исходу первого получаса, на протяжении которого еще имело место нечто вроде геми-сомнамбулизма — с фантазиями, галлюцинациями и тому подобным, причем всплывают обрывочные воспоминания о происшедшем, правда совершенно бессистемно и произвольно.

Последующие сеансы начинались преимущественно с того, что руки участников соединялись на столе и стол тут же начинал двигаться. С. В. между тем постепенно входила в сомнамбулическое состояние; она убирала руки со стола, откидывалась на софе и впадала в экстатический сон. После этого она каждый раз рассказывала о своих впечатлениях, хотя по отношению к чужим замыкалась и держалась очень сдержанно. Уже после первых экстазов она объяснила нам, что играет особую, привилегированную роль среди духов; как и всякий дух, она носила особое имя — Ивенс; ее дедушка окружал ее совершенно особенной заботливостью; в экстазе с цветочным видением ей были открыты важные тайны, которые она, однако, хранила пока под покровом глубокого молчания. Во время сеансов, когда говорили ее духи, она совершала путешествия, по большей части к родственникам, которым она являлась; или же находилась в потустороннем мире, «в том пространстве между созвездиями, о котором полагают, что оно пусто, а ведь в нем находятся многочисленные миры духов». Однажды в геми-сомнамбулическом состоянии, которым часто завершался ее приступ, она в своеобразной поэтической манере рассказала об одном ландшафте в потустороннем мире, о «чудесной, залитой лунным светом долине, которая предназначена для еще не родившихся поколений». Свое сомнамбулическое Я она изображает как личность, почти полностью обособившуюся от тела. Это взрослая, но маленькая черноволосая женщина выраженного еврейского типа, облаченная в белые одежды, голова ее покрыта тюрбаном. Она понимает язык духов и говорит на

нем, ибо духи, следуя человеческой привычке, разговаривают между собой, хотя в этом, собственно говоря, у них нет необходимости; они способны видеть мысли друг друга. Она «не всегда в прямом смысле разговаривает с духами, а просто смотрит на них и при этом понимает их мысли». Она путешествует в сопровождении четырех или пяти умерших родственников и навещает своих живых родных и знакомых, чтобы рассмотреть их жизнь и их образ мыслей; она также посещает все места, которые слынут притягательными для привидений. После знакомства с книгой Кернера ее призвание состоит в том, чтобы поучать и исправлять черных духов, которые привязаны к определенному месту, а некоторые находятся под земной поверхностью (по аналогии с1 ясновидящей из Преворсга). Эта деятельность становится причиной многих ее недомоганий и страданий, во время экстаза и после него она жалуется на чувство удушья, сильные головные боли и т. д. За это ей разрешено каждые две недели по средам проводить целую ночь в садах потустороннего мира в обществе блаженных духов умерших. Там она получает поучения о силах мира, о бесконечно сложных отношениях родства между людьми, а также о законах реинкарнации, об обитателях светил и т. д. К сожалению, только системы мировых сил и реинкарнаций достигли своей законченной формы. О прочих предметах С. В. обронила лишь случайные замечания. Так, например, однажды, отправившись в поездку по железной дороге, она вернулась в большом возбуждении. Сначала думали, что она столкнулась с какой-то неприятностью, пока, наконец, она не взяла себя в руки и не рассказала, что в поезде напротив нее сел звездный житель. По характеристике, данной ею этому существу, я случайно узнал знакомого мне пожилого купца, лицо которого было несколько несимпатичным. В связи с этим событием она рассказывала разные странности о жителях звезд, а именно что у них, в отличие от людей, нет божественной души, что они не занимаются наукой и философией, но зато в технических искусствах ушли гораздо дальше людей. Так, на Марсе уже давно введены летательные машины, каналы на Марсе — это искусственно выкопанные моря, и служат они для орошения. Эти каналы пред-

ставляют собой весьма неглубокие рвы, вода в них мелкая. Копание каналов не представляет особых трудностей для жителей Марса, так как почва на Марсе легче, чем на Земле. Через каналы нигде не переброшены мосты, однако передвижению это не мешает, так как все путешествуют на летательных машинах. Войн на светилах не бывает, так как нет различия в мнениях. Обитатели светил не имеют человеческого образа, но носят многообразные смешные обличья, которые невозможно и представить себе. Духам людей, получившим разрешение на путешествия в потустороннем мире, нельзя появляться на светилах. Точно так же и путешествующим обитателям светил не разрешается ступать на Землю: они должны оставаться на удалении от земной поверхности примерно в 25 метров. Если они преступают запрет, то попадают во власть Земли и должны воплотиться в людей, а обратно будут пущены только после их естественной смерти. В человеческом облике они холодные, жестокосердые и мрачные С. В. узнает их по особому взгляду, в котором отсутствует -«душевное», и по лицу — резко очерченному, безбровому и лишенному растительности. Обитателем светил был Наполеон I.

В своих путешествиях она не видит местности, которую пересекает. У нее появляется чувство парения, а когда она прибывает на место, духи говорят ей об этом. Потом она обычно видит только лицо и верхнюю часть тела того, кому является или кого хочет видеть. Лишь изредка могла она сообщить о том, что видела какое-то лицо в некотором окружении. Иногда она видела меня — одно лицо без какого-либо окружения. Она много внимания уделяла заклинанию духов и для этой цели записывала на листочках фразы на непонятном языке и прятала их во всевозможных местах. В моем жилище ей особенно досаждало присутствие некоего итальянского убийцы, которого она называла Конвенти. Она много раз пыталась заклясть его и попрятала у меня — без моего ведома — множество подобных листочков, которые позднее были случайно найдены. Один из таких

листочков содержал следующую запись (красным карандашом) :

Фигура 1

Перевода я так никогда и не получил, ибо С. В. проявила себя в этом отношении совершенно неприступной.

Иногда речь сомнамбулической Ивенс обращена непосредственно к публике.

Обычно она ведет достойный разговор, в котором есть отзвук мудрости, не свойственной этому возрасту. Ивенс не предстает, однако, ни елейно-скучной, ни дурашливо-шаловливой, как два ее проводника,— напротив, это серьезная, зрелая особа, со смиренной набожностью, женственной хрупкостью и большой скромностью, постоянно отдающая себя на суд других. Мечтательно-элегическая натура, которой присуща некоторая разочарованность, она стремится прочь из этого мира, неохотно возвращается к действительности, жалуется на свой жестокий жребий, на отчужденные взаимоотношения в ее семье. Вместе с тем в ней есть нечто величественное, она повелевает своим духам, высмеивает дурашливую болтовню Гербенштайна, утешает одних и приободряет других опечаленных людей. Она предупреждает и защищает от опасностей тела и души, сообщает совокупный интеллектуальный результат всех явлений, хотя и приписывает его сообщению, полученному от духов. Ивенс — это та, под чьим непосредственным влиянием находится С. В. в гемисомнамбулическом состоянии.

с) Романы

Столь характерный мечтательный взгляд С. В. в состоянии гемисомнамбулизма дал некоторым участникам кружка повод для сравнения ее с ясновидящей из Преворста. Эта суггестия не осталась без последствий. С. В. делала разъяснения о прежних существованиях, которые уже пережила, и уже через несколько недель сразу рассказала о целой системе реинкарнации, хотя раньше ни о чем подобном даже не упоминала. Ивенс — это духовное

существо, которое имеет некоторое преимущество перед духами других людей. Любой человеческий дух должен в течение столетия воплотиться дважды. Ивенс же должна воплотиться по крайней мере один раз в каждые двести лет; кроме нее эту судьбу разделяют еще двое людей, а именно, Сведенборг и мисс Флоренс Кук (знаменитый медиум Крукза)²⁴(Сэр Уильям Крукз, врач и психолог (1832—1919). (Нем. издатели.)). С. В. называет их своими «братом» и «сестрой». Об их прежних существованиях она не привела никаких данных. Ивенс же в начале XIX века была фрау Хауфе, ясновидящей из Преворста. В конце XVIII века — женой священника в Средней Германии (где — не уточняется). В этом воплощении ее соблазнил Гёте, и она родила ему сына. В XV веке она была графиней Саксонской и носила поэтическое имя Тирфельзенбург. Ульрих фон Гербенштайн — родственник из тех времен. Страдания ясновидящей из Преворста были расплатой за паузу в 300 лет, которую она допустила, и за прегрешение с Гёте. В XIII веке она была дворянкой по имени де Вало на юге Франции, и ее сожгли как ведьму. Многочисленные реинкарнации имели место в период между XII веком и Нероновскими гонениями на христиан, однако С. В. не делает о них подробных сообщений. Во времена Нерона в гонениях на христиан она фигурировала как святая мученица. Потом вновь следует широкая полоса, покрытая мраком, вплоть до времен Давида, когда Ивенс была обычной еврейкой. После ее тогдашней смерти она получила от Астафа — ангела с одного из высших небес — благословение на чудесную миссию. Во всех ее прежних воплощениях она была «медиумом» и последующим звеном в общении между потусторонним и посюсторонним мирами. Ее «родные» того же возраста и имеют ту же профессию. Сама она в прежних воплощениях каждый раз бывала замужем и, таким образом, положила начало колоссальному семейному дереву, различными сложноскомбинированными отношениями которого она и занималась в своих экстазах. Например, приблизительно в VIII веке она была матерью своего кровного отца, а далее ее и моего дедов: отсюда столь поразительная дружба обоих стариков, которых в остальном ничто не сближало. В качестве г-жи де

Вало она была матерью автора. Когда ее как ведьму сожгли на костре, последний принял это слишком близко к сердцу и отправился в монастырь в Руане, облачился в серое одеяние, стал приором, написал книгу по ботанике и умер в весьма преклонном возрасте, прожив более 80 лет. В трапезной монастыря висел портрет г-жи де Вало, на котором она изображалась в положении полулежа. (С. В. в геме-сомнамбулическом состоянии часто принимала эту позу на софе. Поза совершенно точно соответствует той, в которой мадам Рекамье изображена на знаменитой картине Давида.) Некий господин, часто принимавший участие в сеансах и имевший отдаленное сходство с автором, в те времена также был одним из ее сыновей. Вокруг этого родства группировались теперь в большем или меньшем отдалении все сколько-нибудь родные и знакомые лица. Один был из XV века, другой — родственник из XVIII и т. д.

Более того, значительная часть европейских народов состоит из трех больших фамильных древ. Она и ее родные ведут свой род от Адама, который возник благодаря материализации. Другие же существовавшие тогда народы, из которых взял себе жену Каин, происходили от обезьян. Из этих «кругов родства» С. В. выводила бесчисленные фамильные сплетни, иначе говоря, целый поток историй и романов, пикантных анекдотов и т. п. Особой мишенью ее сочинений была дама из круга знакомых автора, которая по необъяснимым причинам была ей глубоко антипатична. Она объявила эту даму воплощением известной парижской отравительницы, вызвавшей большую сенсацию в XVIII веке. Она утверждала, что эта дама и сейчас еще продолжает свое опасное ремесло, но иным, гораздо более рафинированным способом, нежели прежде, а именно: по наущению сопровождающих ее злых духов она изобрела особую жидкую смесь — достаточно выставить ее на воздух, чтобы она вобрала в себя все находящиеся вокруг туберкулезные бактерии, которые сразу будут отлично развиваться. Такой вот жидкостью, подмешав ее к еде, эта женщина отравила своего мужа, который действительно умер от туберкулеза, а также одного из своих любовников и своего собствен-

ного брата, чтобы стать наследницей последнего. Старший сын этой дамы является внебрачным сыном ее любовника. Другому своему любовнику она родила внебрачного ребенка, уже будучи вдовой, и, наконец, она находилась в безнравственной связи с собственным братом, отравленным ею позже. Таким образом, С. В. сплетала бесчисленные, похожие одна на другую истории, в которые она непоколебимо верила сама. Персонажи этих романов становились также действующими лицами ее видений, как, например, эта дама в описанном выше видении с пантомимой исповеди и отпущением грехов. Все, что ни случалось вокруг пациентки мало-мальски интересного, вовлекалось в эту систему романов и включалось в порядок родственных отношений с более или менее точными данными относительно прежних воплощений и оказавших влияние духов. Та же участь ожидала всех тех, кто становился знакомым С. В. В зависимости от того, обладал ли этот человек ярким или неопределенным характером, он квалифицировался как первое или второе воплощение. По преимуществу эти люди также определялись и как родственники, причем всегда очень конкретно. И только позднее, часто много недель спустя, после экстаза внезапно объявлялся новый, сложно скомпонованный роман, который объяснял столь необычное родство прежними воплощениями или незаконными связями. Лица, которые были симпатичны С. В., как правило, оказывались очень близкими родственниками. Эти семейные романы (за исключением приведенного выше) всегда были составлены очень предусмотрительно, так что контроль был совершенно невозможен. Преподносились они, однако, всегда с потрясающей уверенностью и часто поражали исключительно ловким использованием отдельных деталей, которые С. В. могла где-то наблюдать или заимствовать. Романы по большей части носили зловещий характер. Смерть от яда или от кинжала, совращения и изгнания, подделки завещаний и тому подобные вещи играли в них исключительно важную роль.

d) Мистическое природоведение

В отношении естественнонаучных вопросов С. В. имела многочисленные суггестии. Чаще всего после сеансов говорили и спорили о многочисленных и весьма разнообразных предметах естественных наук и спиритизма. С. В. никогда не вмешивалась в разговор, но сидела обычно в углу, погруженная в геми-сомнамбулические мечтания. Она слышала то одно, то другое, воспринимала это как во сне и, если ее спрашивали, никогда не могла рассказать что-то связное, да и разъяснения понимала только наполовину. В ходе зимы на различных сеансах стали появляться указания: духи сделали ей удивительное откровение о силах потустороннего и посюстороннего миров, но сейчас она-де может рассказать еще не все. Однажды она предприняла попытку дать некоторое представление об этом, но сказала только, что на одной стороне — свет, а на другой — сила притяжения. Наконец, в конце марта 1900 года, после того как на многих предшествовавших сеансах об этих вещах ничего не сообщалось, она неожиданно появилась с ликующим видом и заявила, что теперь получила от духов все. Она достала длинную, узкую полоску бумаги, на которой значились многочисленные имена. Вопреки моему требованию, она не выпустила полоску из рук, а продиктовала мне следующую схему:

Фигура 2

Я определенно припоминаю, что зимой 1899/1900 года в присутствии С. В. многократно говорилось о силах притяжения и отталкивания в связи с кантовской «Естественной историей неба»²⁵(Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels.), а также о законе сохранения энергии, о различных формах энергии и о том, является ли сила тяжести также и формой движения. Очевидно, что из содержания этих разговоров С. В. и создала основы своей мистической системы. Объяснения по этому поводу она

дала следующие: силы упорядочены на семи окружностях. Вокруг них, кроме того, описаны еще три окружности, на которых располагаются неизвестные промежуточные силы — нечто среднее между силами и материями. На семи же внешних окружностях, которые заключают в себе семь внутренних, расположены материи²⁶ (На иллюстрации 2 представлены только 7 внутренних кругов.). В центре находится Первосила, она является причиной творения и представляет собой духовную силу. На первом круге, описанном вокруг Первосилы, расположена материя, которая не является собственно силой, и Первосила не выступает ее источником. Но она связана с Первосилой, и из этой связи возникают силы в первую очередь духовные: на одной стороне — силы добра, или силы света, на другой — темные силы. Больше всех от Первосилы содержит в себе сила Магнезор, меньше всех прочих — сила Коннесор, в которой темная сила материи достигает максимума. Чем дальше Первосила простирается вовне, тем слабее она становится, однако тем слабее становится и сила материи, причем ее власть более всего возрастает там, где столкновение материи с Первосилой становится наиболее жестким, а именно у силы Коннесор. На окружностях расположены всегда аналогичные, равные по интенсивности и противоположно направленные силы. Систему можно записать и в один ряд, который начинался бы в Первосилы, Магнезора, Кафара и т. д. (слева направо по схеме) и, проходя через Тусу и Эндос, заканчивался бы Коннесором — но при этом была бы затруднена обозримость степени интенсивности. Каждая сила внешнего круга складывается из ближайших сил внутреннего круга.

Группа Магнезор, От Магнезора ведут свое происхождение силы света при очень незначительном воздействии темных сил. Силы Магнезор и Кафар в единстве образуют так называемую жизненную силу, которая не является единой силой, но у животных и растений представляет собой соединение различных элементов. Между Магнезором и Кафаром находится жизненная сила людей. Больше всего от Магнезора несут в себе высоконравственные люди и медиумы, которые опосредствуют общение добрых духов с землей.

Примерно посередине находится жизненная сила животных, а ближе к Кафару — растений. О силе Хефа не известно ничего, т. е. С. В. ничего не может о ней сообщить. Персус — это базовая сила из тех, которые проявляют себя в форме сил движения. Их узнаваемые формы — это тепло, свет, электричество, магнетизм, а также две незнакомые силы, одна из которых действует только на кометах. Из сил седьмого круга С. В. смогла охарактеризовать только северный и южный магнетизм и положительное и отрицательное электричество. Дека неизвестна. Смар обладает особым значением, которое будет разъяснено ниже. Эта сила осуществляет переход к

Группа Гипос. Гипос и Гифонизм — это силы, которые присущи лишь определенным людям, а именно таким, которые в состоянии оказывать магнетическое влияние на других. Атиалови — это половое влечение. Из него напрямую выводится химическая афинность. Под ней на девятой (sic!) окружности следует сила инерции (соответственно по линии силы Смар). Значения Суруса и Кары неизвестны. Пуса соответствует Смару, но противоположно направлена.

Группа Коннесор. Коннесор — это полюс, противоположный Магнезору. Это — темная и злая сила, равная по интенсивности доброй силе света. То, что создает добрая сила, эта превращает в противоположное. Эндос — базовая сила минеральных материй. Из Тусы (значение неизвестно) выводится гравитация, которая, в свою очередь, характеризуется как базовая сила обнаруживающихся в явлениях сил инерции (силы тяжести, капиллярности, сцепления молекул, адгезии). Накус — это тайная сила одного редкого камня, который нейтрализует действие змеиного яда. Две силы — Смар и Пуса — имеют некоторое особенное значение. Как утверждает С. В., Смар получает развитие в моменты смерти высоконравственных людей, причем именно в теле последних. Эта сила обеспечивает душе возможность восхождения к силам света. Противоположным образом ведет себя Пуса, которая переводит безнравственные души на темную сторону, в состояние Коннесора.

С шестой окружности начинается видимый мир, который только из-за ущербности наших органов чувств представляется столь резко разграниченным с миром потусторонним. В действительности переход тут очень постепенный, и есть люди, которые живут на очень высокой ступени познания мира, поскольку их восприятия и ощущения тоньше, чем у других людей. Подобные «ясновидящие» способны видеть действие сил там, где обычные люди не воспринимают ничего. С. В. видит Магнезор как белый или голубоватый светящийся туман, который появляется преимущественно тогда, когда поблизости находятся добрые духи. Коннесор — черный флюид, напоминающий пар, который, по аналогии с Магнезором, возникает при появлении «черных духов». Особенно ночью, перед началом больших видений, вокруг нее плотным облаком ложится светящийся туман Магнезора, и потом из него возникают добрые духи, уплотняясь до зримых, белых образов. Точно так же происходит и с Коннесором. Две эти силы имеют своих различных медиумов. С. В.— медиум Магнезора, так же как ясновидящая из Преворста и Сведенборг. Медиумы материализации у спиритов являются преимущественно медиумами Коннесора, поскольку посредством Коннесора материализация осуществляется гораздо легче — он близко связан со свойствами материи. Летом 1900 года С. В. многократно пыталась воспроизвести круги материи, но ей не удалось выйти за рамки смутных и малопонятных пояснений, так что впоследствии она вообще не говорила об этом.

е) Развязка

С созданием системы сил действительно интересные и содержательные сеансы подошли к концу. Уже и прежде было заметно, что оживленность экстазов постепенно убывает. Ульрих фон Гербенштайн все чаще оказывался на переднем плане и часами заполнял сеансы своей детской болтовней. Видения, которые между тем бывали еще у С. В., казалось, значительно потеряли в богатстве и пластичности образов, ибо она могла теперь сообщать только об общем чувстве блаженства, возникавшем в присутствии добрых духов, и о неприятном чувстве в присутствии злых. Чего-либо нового уже не появ-

лялось. В речах, произносимых в трансе, возникла некоторая неуверенность, нечто вроде нащупывания и попытки исследовать впечатление, произведенное на слушателей', содержание же при этом становилось все более плоским. Во внешнем поведении С. В. тоже появилась бросающаяся в глаза робость и неуверенность, так что все более усиливалось впечатление, что слушатели намеренно хотят ввести в заблуждение. Поэтому автор вскоре покинул сеансы. Впоследствии С. В. экспериментировала в других кружках и примерно через полгода после прекращения моих наблюдений была уличена в обмане. Она хотела оживить пошатнувшуюся веру в свои сверхъестественные способности посредством своеобразных спиритических экспериментов вроде апорта, для чего в темноте во время сеанса выбрасывала различные мелкие предметы, которые она заранее прятала в верхней одежде. Таким образом ее роль была сыграна. С тех пор прошло полтора года, за это время я потерял С. В. из виду. Как я узнал от одного наблюдателя, знакомого с ней и в прежние времена, непродолжительные странные состояния время от времени еще возникают у нее, и в эти моменты она становится бледной и молчаливой, смотрит застывшим, сияющим взглядом и т. п. Однако получить какие-либо сведения о видениях мне уже не удалось. Говорили, что и в спиритических сеансах она более не принимает участия. Сейчас С. В. служит в большом магазине; всем своим поведением она зарекомендовала себя как старательная и исполнительная особа, которая, ко всеобщему удовлетворению, делает свое дело с прилежанием и ловкостью. По сообщению надежных очевидцев, характер ее значительно улучшился, она стала в целом спокойнее, солиднее и симпатичнее. Каких-либо иных отклонений от нормы у нее не проявилось.

Случай этот, хотя он и не имеет законченного описания, содержит, однако, массу психологических проблем, подробное рассмотрение которых вывело бы далеко за рамки этой небольшой работы. Поэтому мы должны удовлетвориться тем, что бегло охарактеризуем его примечательные аспекты. В целях обзорности материала представляется уместным обсудить отдельные состояния С. В., изложив каждое из них особо.

f) Состояние бодрствования

В состоянии бодрствования пациентка обнаруживает различные особенности. Как мы уже видели, в школьные годы она часто бывала рассеянна и подвержена состояниям своеобразного отсутствия, «выключения» из реальности; она капризна, ее поведение меняется беспорядочным образом: то тихая, застенчивая, замкнутая, то необыкновенно оживленная, шумная и болтливая. Глупой ее не назовешь, однако некоторые проблески ума сочетаются с известной ограниченностью. Память у пациентки в целом хорошая, но терпит заметный ущерб из-за присущей ей рассеянности; так, несмотря на чтение и многочисленные обсуждения книги Кернера «Ясновидящая из Преворста», она по прошествии многих недель все еще не запомнила, зовут ли автора «Кернер» или «Кернер», и не могла назвать имени ясновидящей. Тем не менее если в спиритических сообщениях встречается вдруг имя «Кернер», то оно оказывается написанным правильно. В целом о характере пациентки можно сказать, что в нем сказывается неумеренность, непостоянство и изменчивость. Если даже мы сделаем скидку на то, что подобные колебания типичны для пубертатного возраста, то некоторый патологический остаток все-таки сохранится: он проявится в неумеренных реакциях и непредсказуемом, причудливом поведении. Этот характер можно обозначить как *desequilibre*, или «нестабильный». Известные характерные для истерии черты накладывают на него специфический отпечаток: в качестве истерических проявлений следует рассматривать прежде всего рассеянность и мечтательность. Как утверждает Жане, основой истерической анестезии является нарушение внимания. У молодых истериков он констатировал «бросающееся в глаза равнодушие и рассеянность по отношению ко всему, что входит в сферу ощущения»²⁷(*Der Geisteszustand der Hysterischen (Die psychischen Stigmata)*, p. 42.). Примечательным моментом, прекрасно иллюстрирующим истерическую рассеянность, являются ошибки при чтении вслух. Психологию этого процесса, вероятно, можно представить следующим образом: во время чтения вслух внимание к этому акту ослабевает и направляется к ка-

кому-то другому предмету. Чтение между тем механически продолжается дальше. Чувственные восприятия продолжают поступать, как и прежде, однако возбудимость центров восприятия вследствие рассеянности снижается, так что энергии чувственных впечатлений уже недостаточно для удержания внимания настолько, чтобы перцепция как таковая переводилась в моторно-речевой канал. Это означает, что все привтекающие ассоциации, которые тотчас связываются с каждым новым чувственным восприятием, вытесняются. Механизм дальнейшего психологического процесса допускает возможность двоякого истолкования.

1. Вследствие повышения порога раздражимости перцептивных центров восприятие чувственного впечатления осуществляется бессознательно, т. е. ниже порога сознания, в результате чего оно не схватывается сознательно контролируемым вниманием и как таковое не направляется далее в речевой канал, но выражается в речи, лишь будучи опосредствованным определенными близлежащими ассоциациями, в данном случае — диалектными вариантами тех же самых выражений.

2. Чувственное впечатление воспринимается сознательно и только в момент поступления в речевой канал оказывается на той территории, возбудимость которой снижена из-за рассеянности. Вот тут в моторной картине речи и происходит подмена: диалектное слово проникает в нее путем ассоциаций и в качестве такового реализуется в речи. В обоих случаях обязательно присутствие акустической рассеянности, в силу которой ошибка остается не исправленной. В данном случае нельзя определить, какое из двух объяснений ближе к истине; возможно, оба приблизительно верны. Представляется, что рассеянность является общей, во всяком случае, она захватывает не только те центры, которые рассматривают в связи с актом чтения вслух.

Для нашего случая это явление имеет совершенно особую ценность, потому что речь идет об исключительно элементарном автоматическом феномене. Его можно охарактеризовать как истерический, поскольку в данном конкретном случае исключены состояния истощения и интоксикации с па-

раллельными им явлениями. Здоровый человек лишь в исключительных случаях позволяет какому-то объекту так захватить себя, что пренебрегает исправлением ошибок, совершенных по рассеянности, особенно подобных тем, о которых идет речь. Частота подобных случаев у пациентки указывает на выраженное сужение поля сознания, так что пациентка могла освоить лишь относительный минимум из одновременно притекающих элементарных ощущений. Если же мы хотим охарактеризовать психологическое состояние «теневой стороны» психики, то можем квалифицировать его либо как состояние сна, либо как состояние продуцирования фантазий, в зависимости от того, преобладает в нем пассивность или активность. Во всяком случае, состояние патологического продуцирования фантазий имеет место; оно вполне рудиментарно по распространенности и интенсивности, генезис его спонтанный, а спонтанно возникающие состояния фантазирования с продуктами автоматизма в общем и целом характерны для истерии. Следует подчеркнуть при этом, что ошибки при чтении вслух допускались пациенткой часто, поэтому тем более уместно рассматривать данный случай как истерический, так как, насколько нам известно, только на почве истерической конституции возникают состояния частичного сна или продуцирования фантазий.

Автоматическую подстановку ближайшей ассоциации исследовал Бине в своих экспериментах с истериками: когда, например, он прикасался к потерявшей чувствительность руке пациентки колющим предметом, то она, не ощущая укола, думала о «точках»; если он шевелил ее потерявшими чувствительность пальцами, то она думала о «шестах» или «колоннах». Или потерявшая чувствительность рука, скрытая от взгляда пациентки ширмой, пишет «Сальпетриер»: пациентка видит перед собой слово «Сальпетриер», написанное белыми буквами на черном фоне²⁸ (1. с, pp. 187 и 185.). Мы напомним тут также об упомянутых выше экспериментах Гинона и Софи Вольтке.

Таким образом, уже в те времена, когда ничто еще не предвещало позднейших феноменов, у пациентки бывали рудиментарные автоматизмы,

элементы явлений фантазирования, которые несли в себе возможность того, что однажды между рассеянностью перцепции и сознанием сможет закрасться нечто большее, чем ассоциация. Ошибки при чтении демонстрируют нам, далее, некоторую автоматическую самостоятельность психических элементов, развивающих известную продуктивность (хотя и небольшую), удобной возможностью для которой оказывается уже более или менее мимолетная рассеянность, которая ни в коем случае не представляется ненормальной или подозрительной; ближе всего к ней стоит продуктивность физиологического сна. Поэтому ошибки при чтении могут рассматриваться как продромальный симптом позднейших событий, особенно потому, что их психология является прототипом механизма сомнамбулических фантазий, который, собственно говоря, представляет собой не что иное как многократную мультипликацию и бесконечно разнообразные вариации обсуждавшегося выше элементарного процесса. Мне ни разу не удалось выявить подобные рудиментарные автоматизмы во время моего наблюдения, о котором шла речь выше: дело выглядит так, как если бы состояния рассеянности, первоначально не очень выраженные, со временем разрослись в эти странные сомнамбулические припадки. До некоторой степени это происходило под покровом сознания, поэтому в состоянии бодрствования, когда приступов не было, они не проявлялись. Что касается характера пациентки, то за двухлетний период наблюдения не было констатировано каких-либо резких изменений, если не считать некоторого не слишком интенсивного взросления. Противоположность этому составляет то весьма примечательное наблюдение, что в последние два года, после того как сомнамбулические атаки отступили (совсем прекратились?), в ее характере произошли большие изменения. К обсуждению значения этого наблюдения мы вернемся ниже,

g) Гемисомнамбулизм

В изложении случая С. В, название «гемисомнамбулизм» означает следующее состояние: пациентка некоторое время до и после собственно сомнамбулической атаки находится в состоянии, которое по своим особенностям

больше всего напоминает «преокупацию». Она лишь прислушивается к общей беседе, отвечает рассеянно, часто оказывается в плену всевозможных галлюцинаций, лицо у нее торжественное, взгляд экстатический с колючим блеском. При ближайшем рассмотрении обнаруживается глубокое изменение во всем ее характере, она серьезна, сдержанна; когда она говорит, темой всегда оказывается исключительно серьезный предмет. В этом состоянии она владеет серьезной, проникновенной и убедительной речью, так что даже невольно спрашиваешь себя: неужели перед нами девочка пятнадцати с половиной лет? Возникает впечатление, что это — взрослая женщина, обладающая по меньшей мере значительным актерским талантом. Серьезность и торжественность поведения вполне мотивированы; пациентка объясняет, что в теперешнем ее состоянии она стоит на границе между потусторонним и реальным мирами и одинаково свободно общается теперь как с духами умерших, так и с живыми людьми. Действительно, во всем, что она говорит, прослеживается различие между ответами на объективные, реальные вопросы и галлюцинациями. Обозначая это состояние как геми-сомнамбулизм, я следую дефиниции Рише, предложившего это понятие. Рише говорит: «La conscience de cet individu persiste dans son integrite apparente: toutefois des operations tres compliquees vont s'accomplir en dehors de la conscience; sans que le moi volontaire et conscient para-isse ressentir une modification quelconque. Une autre per-sonne sera en lui, qui agira, pensera, voudra, sana que la conscience, e'est-a-dire le moi reflechi, conscient en ait la moindre notion»²⁹ (La Suggestion mentale et le calcul des probabilités, p. 650. [«Сознание этого индивида сохраняется во всей своей явной интегрированное^{TM}, и тем не менее весьма сложные операции могут выполняться без участия сознания; даже кажется, что произвольное и сознательное Я не ощущает при этом никакого изменения. В нем может присутствовать другая личность, которая будет действовать, думать, желать, но так, что сознание, т. е. рефлектирующее, сознательное Я, не будет иметь об этом ни малейшего представления» (фр.)).

Относительно термина «геми-сомнамбулизм-> следующее замечание делает Бине: «Ce terme indique la parente de cet etat avec le somnambulisme veritable, et ensuite il laisse comprendre que la vie somnambulique qui se manifeste durant la veille est reduite, deprimee, par la conscience normale que la recouvre»³⁰ (1. с. р. 139. [«Этот термин обозначает родство данного состояния с подлинным сомнамбулизмом, а также указывает на то, что жизнь сомнамбулы, проявляющая себя и во время бодрствования, подавлена нормальным сознанием, которое ее — эту жизнь — покрывает» (фр.)]).

h) Автоматизмы

Геми-сомнамбулизм характеризуется тем, что сознание неразрывно связано с состоянием бодрствования, а также тем, что проявляются различные автоматизмы, в которых обнаруживается независимая от самосознания деятельность подсознания.

В нашем случае автоматические феномены следующие:

1. Автоматические движения стола.
2. Автоматическое письмо,
3. Галлюцинации.

1. Автоматические движения стола. Прежде чем пациентка попала под мое наблюдение, она уже имела суггестию «столоверчения», которое было ей знакомо как светская игра. Поскольку сразу же после вступления С. В. в кружок последовали сообщения от членов ее семьи, ее, естественно, тут же признали медиумом. Я мог только констатировать следующее: как только ее руки ложились на стол, тут же начинались типичные движения. Далее нас будет интересовать не содержание последовавших сообщений. Напротив, заслуживает некоторого обсуждения автоматический характер самого акта, поскольку здесь, без дальнейших разговоров, можно было бы возразить, что речь идет о произвольных и намеренных движениях (нажимах и толчках) со стороны пациентки.

Как известно, благодаря исследованиям Шевре, Глея и Лемана моторные феномены бессознательного — не только частое явление у истериков

или лиц с иной патологической предрасположенностью: их относительно легко можно спровоцировать и у здоровых людей, которые вообще-то никогда спонтанных автоматизмов не обнаруживали³¹ (Подробно отреферировано у Бине, 1. с, р. 197 ff.). Я ставил разнообразные опыты в этом направлении и могу это наблюдение только подтвердить. Для подавляющего большинства людей речь идет лишь о необходимом терпении, когда человеку под силу спокойное ожидание, длящееся иногда часами. Не исключено, что более или менее выраженные моторные автоматизмы могут быть достигнуты большинством испытуемых лиц, если не возникнет препятствий в виде контрсуггестий. У определенного — относительно низкого — процента лиц эти явления наступают спонтанно, хотя воздействие вербальной суггестии или предварительной аутосуггестии при этом все-таки предполагается. В высшей степени суггестивно в этом случае воздействие примера. Соответствующая диспозиция в целом подчиняется тем же самым законам, что и при нормальном гипнозе. Однако известные специфические отношения, обусловленные своеобразием случая, все-таки надо принимать во внимание. Речь ведь идет не о тотальном гипнозе, но о частичном, ограниченном только моторной областью руки и сравнимом с церебральной анестезией болезненных участков тела посредством магнетических «пассов». При вербальной суггестии или с использованием предварительной аутосуггестии мы прикасаемся к соответствующим участкам тела и используем известное нам из опыта суггестивное воздействие тактильного раздражения для достижения желаемого эффекта — частичного гипноза. Вследствие подобных действий даже у невосприимчивых испытуемых относительно легко запускаются автоматизмы, причем экспериментатор намеренно незаметно толкает стол или, еще лучше, делает серию ритмичных, но очень тихих ударов по столу. Спустя некоторое время он замечает, что колебания стали сильнее и что они продолжаются несмотря на то, что его собственное воздействие уже прекратилось: эксперимент удался, испытуемый, не подозревая этого, воспринял суггестивное воздействие. Такой образ действий значительно более результативен, нежели вербальная

суггестия. У людей особенно восприимчивых, а также в тех случаях, когда движение возникает как бы спонтанно, эти субъективно невоспринимаемые вибрации берут на себя роль «agent provocateur»³²(Известно, что руки и кисти рук у бодрствующих людей никогда не бывают совершенно спокойны, но постоянно совершают мелкие вибрирующие движения. Прейер, Леман и другие доказали, что на эти движения оказывают значительное воздействие преобладающие представления; так, например, Прейер показал, что вытянутая рука рисует маленькие, более или менее точные изображения тех фигур, которые ярко оживают в представлении. Интендированные вибрации весьма просто продемонстрировать в опыте с качающимся отвесом.). Даже те люди, у которых прежде никогда не наблюдались автоматические движения в более крупном масштабе, могли бы при случае взять на себя бессознательное управление движениями стола при условии, что эти вибрации достаточно сильны, чтобы медиум мог понимать их смысл. Тогда медиум воспринимает эти тихие колебания и воспроизводит их с значительным усилением; по-видимому, изредка это происходит мгновенно, но чаще всего несколько секунд спустя; таким путем он выявляет сознательное или бессознательное содержание мыслей «агента». Этим простым механизмом можно объяснить поразительные на первый взгляд случаи чтения мыслей. Иллюстрацией сказанному может служить один очень простой эксперимент, который во многих случаях воспроизводится даже с совершенно необученными испытуемыми: экспериментатор задумывает про себя какое-то число, например пять, и ждет, спокойно положив руки на стол, пока не почувствует, что стол получил первые импульсы для передачи задуманного числа. В этот момент он убирает руки со стола. Число пять будет передано правильно. Для этого эксперимента рекомендуется ставить стол на мягкий, толстый ковер. При точном наблюдении экспериментатор иногда заметит движение стола, которое можно представить следующим образом:

Фигура 3.

1. Интендированные вибрации, которые субъективно не наблюдаются.
2. Многочисленные минимальные, но воспринимаемые колебания стола, которые объясняют обращение внимания испытуемого к интендированным вибрациям.
3. Заметные движения, объективно передающие задуманное число пять.

Линия [a—b] обозначает момент, в который руки были убраны со стола.

Этот эксперимент удается преимущественно с предрасположенными, но еще неопытными испытуемыми. Уже после недолгих занятий данный феномен обыкновенно пропадает, потому что благодаря научению число распознается и репродуцируется уже непосредственно по интендированным движениям³³(См. Preyer, Die Erklärung des Gedankenlesens.).

Подобно тому как в вышеприведенном эксперименте оказывали воздействие намеренные толчки экспериментатора, в этом случае на восприимчивого медиума действуют интендированные вибрации «агента». Они бывают восприняты, усилены и репродуцированы, хотя и очень тихо, почти робко. Однако они доступны восприятию, как и тихое тактильное раздражение, имеют суггестивное воздействие и продуцируют ощутимые автоматические движения благодаря возрастанию суггестивного гипноза. Этот эксперимент наглядно иллюстрирует поэтапное, ступенчатое возрастание ауто-суггестии. Путем ауто-суггестии развиваются все автоматические феномены моторного типа. После приведенных выше рассуждений едва ли есть необходимость в подробном обсуждении того, каким образом к моторным явлениям постепенно присоединяется интеллектуальное содержание. Для того чтобы вызвать интеллектуальные феномены, специальной суггестии совсем не требуется. Со стороны экспериментатора, во всяком случае, речь с самого начала

идет о словесных представлениях. После первых бессистемных моторных явлений неопытный испытуемый начинает воспроизводить собственные словесные продукты или интенции экспериментатора. Присоединение интеллектуального содержания объективно можно представить следующим образом. Благодаря постепенному возрастанию аутосуггестивности моторная область руки оказывается изолированной от сознания, в силу чего восприятие тихих вибрационных импульсов от сознания также скрыто³⁴ (Аналогично известным гипнотическим экспериментам в бодрствующем состоянии. См. эксперимент Жане, который, делая шепотом внушение, добился того, что пациент распластался на полу, не заметив этого. В кн.: *L'Automatisme psychologique*, p. 241.). Поскольку на сознательном уровне было получено знание о том, что интеллектуальное содержание в принципе возможно, происходит возбуждение языковой области как ближайшего средства для интеллектуального сообщения. Направленность на передачу сообщения неизбежно затрагивает прежде всего моторную сферу словесного представления³⁵ (Шарко предлагает следующую схему композиции словесного образа: 1) слуховой образ; 2) зрительный образ; 3) двигательные образы: а) речевой образ; б) графический образ. В кн.: *Ballet, Die innerliche Sprache.*), чем и объясняется бессознательное перетекание речевых импульсов в моторную область³⁶ (Бэйн говорит: «Мысль — это подавленное слово или подавленное действие». В кн.: *The Senses and the Intellect*, p. 358.) и обратный переход частичного гипноза в область речевую.

В многочисленных опытах с начинающими при появлении интеллектуальных феноменов я наблюдал, как правило, то или иное количество совершенно бессмысленных слов, часто — одни лишь бессмысленные ряды букв. Потом появляются различного рода игровые варианты, например слова или целые предложения с беспорядочно переставленными буквами или с обратным порядком букв, т. е. как бы зеркальное письмо. Появление букв или слов означает новую суггестию; тут невольно присоединяется какая-то ассоциация, которая и реализуется впоследствии. Странным образом ею всегда ока-

зывается не сознательная ассоциация, а какая-то совершенно неожиданная. В пользу этого говорит то обстоятельство, что большая часть речевой сферы оказывается изолированной. В свою очередь осознание этого автоматизма порождает плодотворную суггестию, причем именно в этот момент обязательно возникает чувство посторонней активности, если только его еще не было при чисто моторных автоматизмах. Вопросы: кто это делает? кто так говорит?— являются суггестией к синтезу бессознательной личности, которая, как правило, не заставляет себя долго ждать. Является какое-нибудь имя, как правило, эмоционально выразительное, и вот автоматическое расщепление личности готово. Сколь случаев и неустойчив этот синтез на своих начальных стадиях, показывают следующие сообщения из литературы.

Майерс сообщает следующее интересное наблюдение некоего господина А., члена S. P. R. (господин А. ставил сам над собой эксперименты с автоматическим письмом).

Третий день

Что такое человек?— Tefi hasl esble lies*(Непереводимая бессмыслица.). Это анаграмма?— Да. Сколько в ней слов?— Пять. Как звучит первое слово?— Море. Как звучит второе слово?— Eeeee... Море? Должен ли я интерпретировать это сам?— Попробуй!

Господин А. нашел в качестве решения фразу: Life is less able*(Жизнь маловероятна (англ.)). Он был удивлен этим разумным сообщением, которое, как ему казалось, доказывало существование некоего независимого от него интеллекта. Поэтому он стал спрашивать дальше:

Кто ты?— Клелия.

Ты женщина?— Да.

Ты когда-нибудь жила на земле?— Нет.

Ты будешь жить?— Да.

Когда?— Через шесть лет.

Почему ты разговариваешь со мной?— E if Clelia el.

Господин А. проинтерпретировал этот ответ как: I Clelia feel** (Я Клеллия чувствую (англ.)).

Четвертый день

Это я задаю вопрос?— Да.

Клеллия здесь?— Нет.

Кто же здесь есть?— Никого.

Существует ли Клеллия вообще?— Нет.

С кем же я разговаривал вчера?— Ни с кем³⁷ (Myers, Automatic Writing.).

Жане ведет следующий разговор с подсознательным Люси, которая между тем вовлечена в разговор другим наблюдателем:

(Жане спрашивает): M'entendez-vous?— (Люси отвечает посредством автоматического письма): Non.

Mais pour repondre il faut entendre.— Oui, absolument.

Alors, comment faites-vous?— Je ne sais.

Il faut bien qu'il y ait quelqu'un qui m'entende?— Oui.

Qui cela?— Autre que Lucie.

Ah! bien, une autre personne. Voulez-vous que nous lui donnions un nom?— Non!

Si, ce sera plus commode.— Eh bien, Adrienne.

Alors, Adrienne, m'entendez-vous?— Oui³⁸ (L'Automatisme psychologique, p. 317 f. [Вы меня слышите?— Нет.

Но чтобы ответить, надо было слышать.— Да, конечно. В таком случае, что вы делаете?— Я не знаю. Однако должен быть кто-то, кто меня слышал?— Да. Кто же это?— Кто-то, но не Люси. Хорошо, это другой человек. Вы согласны, чтобы мы дали ему другое имя?— Нет.

Да, но это будет удобнее.— Ну ладно, Адриана.

Хорошо, Адриана, а теперь вы меня слышите?— Да (фр.))

Из этих цитат можно увидеть, каким путем конституируется подсознательная личность: она обязана своим возникновением исключительно сугге-

стивным вопросам, которым соответствует известная диспозиция медиума. Мы должны объяснить эту диспозицию разъединением психических комплексов, но на закрепление ее оказывает влияние еще и чувство посторонней активности, возникающее при подобных автоматизмах в той мере, в какой на автоматический акт направляется сознательное внимание. Бине замечает по поводу приведенных выше экспериментов Жане: «Il faut bien remarquer que si la personnalité d'Adrienne a pu se créer, c'est qu'elle a rencontré une possibilité psychologique; en d'autres termes, il a eu des phénomènes désagrégés, vivant séparés de la conscience normale du sujet»³⁹(1. с, р. 133. [«Надо все же заметить, что если личность "Адриана" смогла возникнуть, то это произошло лишь потому, что она встретила психологическую возможность; иными словами, здесь имели место дезагрегированные феномены, живущие отдельно от нормального сознания субъекта» (фр.).}). Индивидуализация подсознательного всегда означает, что суггестивное воздействие на дальнейшее оформление автоматизмов прогрессирует⁴⁰(«Une fois baptisée, le personnage inconscient est plus déterminé et plus net, il montre mieux ses caractères psychologiques» (Janet, L'Automatisme psychologique, р. 318). [«Как только личность названа, бессознательный субъект становится более четким и определенным, он ясно обнаруживает свои психологические особенности» (фр.).]). Подобным же образом можно представить себе возникновение бессознательной личности и в нашем случае.

Можно смело отклонить упрек в «симуляции» при автоматическом столоверчении, если принять во внимание феномен чтения мыслей по интендированной вибрации стола, который у пациентки достаточно выражен. Быстрое сознательное чтение мыслей требует по меньшей мере серьезного обучения, которого, как уже говорилось, у пациентки не было. При помощи интендированных вибраций могут происходить целые разговоры, как, например, в нашем случае. Таким же путем можно объективно объяснить суггестивность подсознательного, когда, например, агент живо представляет себе: «Рука медиума не сможет больше двигать стол или стакан» — и, вопре-

ки всеобщему ожиданию и к крайнему удивлению всех участников эксперимента, стол тут же застывает в полной неподвижности. Конечно, могут реализоваться и всевозможные иные суггестии, однако только те, которые не затрагивают иннервацию за пределами области парциального гипноза, чем одновременно доказывается и сама парциальность последнего. Поэтому суггестии, направленные на ногу или на другую руку, не реализуются.

Столоверчение не является таким автоматизмом, который относится исключительно к геми-сомнамбулическому состоянию пациентки; оно, например, в совершенно развернутой форме проявляется и в состоянии бодрствования и, как правило, является лишь звеном, опосредствующим наступление геми-сомнамбулизма, которое обычно манифестируется галлюцинациями; так это было, например, на первом сеансе.

2. Автоматическое письмо.

Второй автоматический феномен, который соответствует изначально более высокой стадии парциального гипноза,— это автоматическое письмо. По крайней мере из опыта мне известно, что спровоцировать его гораздо труднее и удается он реже, чем столоверчение. Как и при столоверчении, речь идет о некоторой первичной суггестии с сохранением сенсibilitивности сознания и с угасанием оной у бессознательного. Однако эта суггестия уже не является простой, поскольку она несет в себе интеллектуальный момент: «писать» означает «писать что-то». Это особое содержание суггестии, выходящее за пределы моторных явлений, часто становится причиной известной настороженности испытуемых, в силу чего легко возникают контрсуггестии, препятствующие появлению автоматизма. Между тем я наблюдал множество случаев, когда эта довольно-таки дерзкая суггестия реализовывалась (несмотря на то что была направлена на так называемого здорового человека, да еще в состоянии бодрствования!), хотя и довольно своеобразным способом: в состоянии гипноза оказывается только чисто моторная

часть соответствующей центральной системы, и лишь потом благодаря ауто-суггестивному воздействию моторных феноменов достигается более глубокий гипноз, аналогично описанному выше процессу, сопутствующему столоверчению. Испытуемый, получивший в руки карандаш, целенаправленно вовлекается в разговор, отвлекающий его внимание от письма⁴¹ (См. соответствующие эксперименты Бине и Фере. В кн.: *Les Alterations*).

Фигура 4

Потом рука начинает делать движения, причем сначала это частью многочисленные штрихи, частью зигзагообразные линии, иногда вычерчивается и простая линия; бывает и так, что карандаш совсем не касается бумаги, а пишет в воздухе. Эти движения следует рассматривать как чисто моторные феномены, которые соответствуют внешнему проявлению моторного компонента представления о «письме». Это явление бывает достаточно редко, чаще с самого начала пишут буквы, для соединения которых в слова и предложения остается в силе все то, что было сказано по поводу столоверчения. То и дело наблюдается характерное зеркальное письмо. Практически в большинстве случаев и, по-видимому, всегда, когда испытуемый — новичок и не находится под влиянием какой-нибудь совершенно специфической суггестии, почерк автоматического письма совпадает с почерком испытуемого. Его характер меняется иногда только вторично, нередко в очень высокой степени⁴² (См. соответствующие попытки Флурнуа (*Des Indes a la planite Mars. Etude sur un cas de somnambulisme avec glossolalie*)), что всегда следует рассматривать как симптом начавшегося синтеза подсознательной личности. Как уже сообщалось, у пациентки автоматическое письмо никогда не достигало высокой степени совершенства. При этих опытах, которые всегда ставились с нею в темноте, она, как правило, переходила в состояние геми-

сомнамбулизма или экстаза. Так что автоматическое письмо имело тот же успех, что и столоверчение.

3. Галлюцинации.

Тот способ, которым совершился переход в сомнамбулическое состояние на втором сеансе, имеет психологическое значение. Как уже сообщалось, автоматические феномены шли полным ходом, когда наступила темнота. На предыдущем сеансе было бесцеремонным образом прервано сообщение дедушки, и это заинтересовавшее всех событие дало участникам кружка повод для всяческих обсуждений. Казалось, оба эти момента — темнота и оставившее впечатление событие — стали причиной быстрого углубления гипноза, способствовавшего развитию галлюцинаций. Психологический механизм этого процесса представляется таким: известно, что темнота оказывает воздействие на суггестивность, особенно на суггестивность органов чувств⁴³(См. Hagen, Zur Theorie der Hallucination, p. 10.). Бине сообщает об особом действии темноты на истериков, вызывающей у них сонливость⁴⁴(1. с, p. 157.). Как следует из предыдущих объяснений, пациентка находилась в состоянии частичного гипноза, т. е. сконструировала себе подсознательную личность, связанную с речевой областью. Автоматическое проявление этой личности было неожиданно прервано другой личностью, существования которой никто не предполагал. Откуда пришло это расщепление? Очевидно, что пациентку очень волновало и воодушевляло предвкушение этого первого сеанса. Возможно, вокруг аффекта предвкушения у нее группировалось все, что связывалось в ее памяти с моей особой и с моим семейством; на высшей точке автоматических проявлений это внезапно и прорвалось. То обстоятельство, что этим лицом оказался именно мой дед, а не кто-либо иной,— например, не мой умерший отец, бывший мне ближе, чем дед, которого, как пациентке было известно, я никогда не знал,— возможно, подсказывает нам, где следует искать истоки этой новой личности. Речь идет, по-видимому, о рас-

щеплении на основе уже имеющейся личности, которая, чтобы обнаружить себя, овладела ближайшим находившимся под рукой материалом, а именно ассоциациями, связанными с моей особой. Трудно сказать, в какой степени была бы оправданна здесь параллель с результатами исследований сновидений, полученными Фрейдом⁴⁵(Die Traumdeutung)., так как мы не сможем оценить, в какой степени упомянутый аффект допустимо охарактеризовать как «вытесненный». Из того, что новая личность была так бесцеремонно прервана, можно заключить о высокой интенсивности этого представления и о соответствующей ему живости ожидания, которому, возможно, сопутствуют попытки справиться с девичьим стыдом и смущением. Во всяком случае, это событие живо напоминает тот процесс, посредством которого сновидение в более или менее прозрачной символике неожиданно представляет сознанию те взаимосвязи, о которых никто никогда не говорит себе открыто и ясно. Мы не знаем, когда произошло это отщепление новой личности, подготовилось ли оно в бессознательном постепенно или образовалось непосредственно во время сеанса. Во всяком случае, это событие означает заметный прогресс в приращении областей бессознательного, ставших доступными благодаря гипнозу. В то же время с точки зрения впечатления, которое это событие произвело на пациентку в бодрствующем состоянии, его можно расценивать как мощную суггестию. Ибо знание об этом неожиданном вторжении некоторой новой силы должно было решительно укрепить чувство посторонней активности в автоматизме и вплотную подвести к мысли, что здесь действительно заявил о себе самостоятельный дух. Отсюда следует вполне понятная ассоциация, что этот дух при случае можно увидеть.

Ситуацию, возникшую во время второго сеанса, следует объяснять тем, что возрастание суггестивности, обусловленное темнотой, столкнулось с этой энергичной суггестией. Гипноз, а вместе с ним и отколовшиеся ряды представлений прорвались в визуальную сферу:

прежде чисто моторное выражение бессознательного в соответствии со специфической энергией вновь выступившей системы объективируется те-

перь в образе визуальной картины, имеющей характер галлюцинации, а именно не просто как сопутствующее явление, сопровождающее словесный автоматизм, а практически как объясняющая функция: неожиданная и первоначально необъяснимая ситуация, возникшая на первом сеансе, получает теперь объяснение не на словах, а посредством аллегорического видения. Фраза «Между ними нет ненависти, они друзья» была представлена в образной картине. Такого рода события мы часто встречаем у сомнамбул: их мышление разворачивается в пластических образах, постоянно проникающих то в одну, то в другую чувственную сферу и объективирующихся как галлюцинации. Процесс размышления погружается в подсознание, и сознания достигают лишь его конечные звенья — то как живые, окрашенные чувством представления, то напрямую как галлюцинации. В нашем случае речь идет о том же, что происходило с пациенткой Бине: когда он прикасался колющим предметом к ее потерявшей чувствительность руке, девять уколов заставляли ее живо представлять себе число девять, или с описанной у Флурнуа Хелен Смит, которая, будучи спрошена о ее занятиях по определенному образцу, видит перед собой цифру высотой около 20 см, обозначающую число дней (18), посвященных этим занятиям⁴⁶(1. с, р. 55.). Возникает вопрос: почему автоматизм прорвался в визуальную сферу, а не в акустическую? Выбор в пользу визуальности объясняется следующими причинами:

а) у пациентки нет акустической предрасположенности, она, к примеру, очень немзыкальна;

б) поскольку шел оживленный разговор, отсутствовала тишина, которая (как в соответствующем случае темнота) могла бы способствовать появлению акаозмов;

с) уверенность в близком присутствии духов, усилившаяся благодаря чувству посторонней активности, вполне могла пробудить идею о том, что духи видимы, из-за чего зрительная сфера получила небольшое дополнительное возбуждение;

d) возникновению галлюцинаций в темноте сопутствуют энтоптические явления.

Решающее значение для возникновения галлюцинаций имеют причины, изложенные в пунктах с и d — энтоптические явления в темноте и, возможно, имевшее место возбуждение зрительной сферы. В этом случае для аутосуггестивного вызывания автоматизмов энтоптические явления играют ту же роль, что и тихое тактильное раздражение для гипноза моторных центров. Как уже сообщалось, первому галлюцинаторному помраченному состоянию на первом сеансе предшествовало «мелькание искр». Очевидно, уже тогда внимание фокусировалось на зрительном восприятии, так что воспринимались даже явления «собственного свечения» сетчатки, вообще-то очень слабые. Заслуживает большего освещения та роль, которую при возникновении галлюцинаций играют энтоптические восприятия свечения. Шюле говорит: «Из сумбура огней и ночных пятен, оживляющих поле зрения в ночной темноте, создаются... фантастические воздушные фигуры, которые появляются перед засыпанием»⁴⁷(Handbuch der Geisteskrankheiten, p. 134.). Известно, что никогда нельзя видеть абсолютную темноту, всегда некоторые участки затемненного поля зрения как бы матово светятся; световые пятна всплывают то здесь, то там, комбинируются во всевозможные образы, и скольконибудь живая фантазия легко формирует из них, как из рисунка облаков на небесах, известные знакомые фигуры. Исчезновение во сне способности критического суждения освобождает пространство для свободной игры фантазии, так что формирование образов может развиваться все более живо. На месте световых пятен, тумана и переливающихся цветов заступают очертания определенных предметов⁴⁸ (J. Mffler, Ober die phantastischen Gesichterscheinungen. Цит. по: Hagen, Zur Theoiie der Hallucination, p. 41.). Так возникает гипнагогическая галлюцинация. Главная роль выпадает, конечно, на долю фантазии, поэтому подверженными гипнагогическим

галлюцинациям оказываются преимущественно люди с богатой фантазией⁴⁹(Спиноза гипнопомпически видел «*nigmm et scabiosum brasilianum*» [чернокожего, покрытого паршой бразильца... (лат.)]. См. Hagen, 1. с, р. 49.

У Гёте в «Избирательных средствах» (с. 375) Оттилия в полумраке всегда видит образ Эдуарда в тускло светящемся пространстве. См. также у Карда-но: «*Imagines uidebam ab imo lecti quasi ã paruis annulis aereisq̄ie constantes, arborum, belluarum, hominum, oppidomm, intractarum acierum, bellicorum et musicorum instrumentorum, aliorumque huiusce generis ascendentes, uicissimque descendentes, aliis atque allis succendentibus*» (De subtilitate, p. 358). [Будучи в глубоком сне, я увидел образы, [состоявшие] как бы из маленьких красноватых одинаковых колечек,— [образы] деревьев, чудищ, людей, городов, боевых порядков, военных орудий и музыкальных инструментов, других [вещей] этого рода то поднимающимися, то опускающимися, которые возникают один за другим (лат.)]. То же самое, конечно, относится и к гипнопомпическим галлюцинациям (Майерс).

Весьма вероятно, что гипнагогические картины идентичны картинам сновидений нормального сна, т. е. образуют их визуальную основу. Мори на материалах самонаблюдения доказал, что те же картины, что витали перед ним в гипнагогическом состоянии, составляли предмет следовавших затем сновидений⁵⁰ (Le Sommeil et les reves, p. 134.). Еще убедительнее доказал то же самое Трамбэлл Лэдд. С помощью упражнений он научился мгновенно просыпаться через три-пять минут после засыпания. При этих обстоятельствах он каждый раз замечал, что светящиеся фигуры ретины как раз и образовывали очертания тех картин, которые он видел во сне. Он предполагает даже, что всякая визуальная фантазия заимствует форму у явлений собственного свечения сетчатки⁵¹ (Ladd, Contribution to the Psychology of Visual Dreams.). В нашем случае формированию фантастической интерпретации способствовала ситуация. Немалое влияние следует приписать также напряженному ожиданию, из-за которого возрастала интенсивность восприятия матового свечения ретины⁵² (Хекер говорит о состояниях такого рода: «Су-

ществует одно простое, элементарное видение, возникающее из напряжения духовной деятельности без изобразительной работы фантазии, даже и без самих чувственных представлений: это лишенное образов видение света, явление жизнедеятельности внутренне возбужденного органа зрения» (Ober Visionen, p. 16).). Дальнейшее оформление явлений ретины идет конформно преобладающему представлению. Этот способ возникновения галлюцинаций наблюдался также и у иных ясновидящих: Жанна д'Арк видела сначала светящееся облако, и лишь немного времени спустя в нем проступали святые Михаил, Екатерина и Маргарита⁵³(Quicherat, Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la pucelle, V, p. 116 ff.)

. Сведенборг однажды в течение часа не видел ничего, кроме светящегося шара и ярко вспыхивающих языков пламени. При этом он ощущал глубокие изменения в сознании, переживавшиеся им как «освобождение света». По прошествии же часа он увидел настоящие образы, которые были им приняты за ангелов и духов⁵⁴(Hagen, Zur Theorie der Hallucination, p. 57). Вероятно, сюда же можно отнести видение Солнца Бен-венуто Челлини⁵⁵(Автобиография. Пер. Гёте, I, с. 306 ff.) в замке св. Ангела. Один студент, у которого часто бывали видения, сообщал: «Когда приходят эти явления, то сначала я всегда вижу только отдельные массы света, и одновременно в ушах я воспринимаю приглушенный шум. Однако их очертания все больше и больше приближаются к действительным образам»⁵⁶(Hagen, 1. с, p. 57). Совершенно классически выглядит появление галлюцинаций у описанной Флурнуа Хелен Смит. Я дословно приведу соответствующие места из протоколов:

«18 mars... Tentative d'expérience dans l'obscurité...Mlle. Smith voit un ballon tantôt lumineux, tantôt s'obscurcis-sant...

25 mars... Mile. Smith commence à distinguer de vagues lueurs, de longs rubans blancs s'agitant du plancher au plafond, puis enfin une magnifique étoile qui dans l'obscurité s'est montrée à elle seule pendant toute la séance...

1er avril... Mile. Smith se sent très agitée; elle a des frissons, est partiellement glacée. Elle est très inquiète et voit tout à coup, se balancant au dessus de la table,

une figure grimacante et tres laide avec de longs cheveux rouges... Elle voit alors... un magnifique bouquet de roses de nuances diverses; tout a coup elle voit sortir de dessous le bouquet un petit serpent qui, rampant doucement, vient sentir les fleurs, les regarde...»⁵⁷ (1. с, р. 32. [«18 марта... Попытка эксперимента в темноте... Мад-ль Смит видит шар, который то светится, то затемняется... 25 марта... Мад-ль Смит начинает различать слабое свечение, длинные белые ленты, движущиеся от пола к потолку, затем, наконец, чудесную звезду, которая в темноте являлась ей одной в течение всего сеанса... 1-е апреля... Мад-ль Смит чувствует себя очень возбужденной и взволнованной; ее знобит, вдруг она видит очень уродливое, покрытое рыжими волосами лицо, которое покачивается над столом и делает ей гримасы... Она видит далее... великолепный букет роз различных оттенков; вдруг она видит выползающую из-под букета маленькую змею, которая, тихо шипя, нюхает цветы, смотрит на них» (фр-).]) и т. д.

Хелен Смит о возникновении своих марсианских видений говорит следующее: «...la lueur rouge persista auto-ur de moi, et je me suis trouvee entouree de fleurs extraor-dinaires...»⁵⁸(1. с, р. 162. [«...красный цвет продолжал струиться вокруг меня, и я оказалась окруженной необычными цветами...» (фр-).])

С давних пор комплексным галлюцинациям ясновидящих отводилось особое место с точки зрения научного суждения: так, например, Макарио отделяет интуитивные галлюцинации от всех остальных, причем утверждает, что они бывают у людей с живым духом, глубоким разумом и высокой нервной возбудимостью⁵⁹(Des Hallucinations. По обсуждению в Allg. Z.f. Psychiat. IV, 1847, р. 139.). Аналогично, но с еще большим энтузиазмом высказывается Хекер: он принимает, что их условием является «прирожденное высокое развитие органа души, которое посредством первоначальной деятельности побуждает собственную жизнь фантазии к подвижной, свободной игре»⁶⁰(Hecker, 1. с, р. 6.). Эти галлюцинации «являются предвестниками или даже признаками мощной силы духа». Видение — это как раз то «повышен-

ное возбуждение, которое гармонически входит в совершеннейшее здоровье как духа, так и тела». Комплексные галлюцинации не являются достоянием бодрствования, но принадлежат, как правило, состоянию частичного бодрствования: ясновидящий углубляется в свое видение до полного погружения в него. Флурнуа во время видений Хелен Смит также мог констатировать «un certain degre d'obnubilation»⁶¹(1. с, р. 51. [«Определенный уровень затемнения сознания» (фр.).]). В нашем случае видение осложняется тем, что происходит в состоянии сна, особенности которого мы будем рассматривать ниже.

к) Изменения в характере

Наиболее заметной характеристикой второго состояния являются в нашем случае изменения в характере.

Мы встречаем в литературе множество случаев, в которых присутствует симптом спонтанного изменения характера. Раньше других стал известен благодаря научной публикации случай Мэри Рейнолдс, описанный Уэйром Митчеллом⁶²(Mary Reynolds: A Case of Double Consciounes. То же в: Harper's Mag., 1860. Подробно отреферировано у Джеймса: The Principles of Psychology, р. 381.)

. Речь шла о молодой особе, которая в 1811 году проживала в Пенсильвании. После глубокого сна продолжительностью 20 часов она забыла все свое прошлое и все, чему когда-либо училась; даже слова, которые она произносила, порой теряли всякий смысл. Своих близких она больше не узнавала. Она медленно училась снова читать и писать, причем писала справа налево. Особенно бросались в глаза изменения в характере: «Instead of being melancholy she was now cheerful to extremity. Instead of being reserved she was buoyant and social. Formerly taciturn and retiring, she was merry and jocose. Her disposition was totally and absolutely changed»⁶³(Emminghaus, Allgemeine Psychopathologie, р. 129. Случай Ogier Ward. [«Меланхоличная до тех пор, теперь она стала в высшей степени жизнерадостной. Ранее замкнутая, теперь она стала оживленной и общительной. Прежде молчаливая и застенчивая, те-

перь она весела и игрива. Ее характер целиком и полностью изменился» (англ.]).

В этом своем состоянии она полностью отреклась от своей прошедшей жизни, полюбила совершать дальние рискованные прогулки без оружия, пешком или на лошади. Во время одного из этих путешествий ей навстречу вышел однажды большой черный медведь, которого она приняла за свинью. Медведь поднялся на задние лапы и оскалился на нее. Поскольку заставить свою лошадь двинуться с места ей не удалось, она пошла на медведя сама с обычной палкой в руках — и обратила его в бегство. Пять недель спустя после глубокого сна она вновь вернулась в свое прежнее состояние, с амнезией относительно прошедшего интервала. На протяжении примерно 16 лет эти состояния чередовались. Но последние 25 лет Мэри Рейнолдс провела исключительно во втором состоянии.

Шредер ван дер Кольк⁶⁴ (*Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten*, p. 31. Цит. по: *Allg. Z. f. Psychial.* XXII (1865), p. 406.) сообщает о следующем случае: шестнадцатилетняя пациентка, перенесшая продолжительную трехлетнюю болезнь, заболевает периодической амнезией. Утром после пробуждения она каждый раз переживает характерное состояние, напоминающее пляску св. Витта, в котором совершает руками ритмичные ударяющие движения. Потом в течение целого дня она демонстрирует детское, дурашливое поведение, теряя все сформировавшиеся у нее способности. (В нормальном состоянии она очень умна, начитанна, хорошо говорит по-французски.) Во втором состоянии она начинает слабо и скверно изучать французский язык. На второй день пациентка каждый раз снова становится нормальной. Оба состояния полностью отделены одно от другого амнезией⁶⁵ (См.: Donath, *Ober Suggestibility*. Цит. по: *Arch. f. Psychiat. u. Nervenkr.* XXXII (1899), p. 353.).

Хёфельт сообщает о случае сомнамбулизма у девушки, которая вообще-то была послушной и скромной, а в состоянии сомнамбулизма становилась дерзкой, грубой и жестокой⁶⁶(Случай спонтанного сомнамбулизма.)

. В случае, приведенном Азамом, Фелида в нормальном состоянии бывала угнетенной, подавленной и застенчивой; во втором же состоянии становилась веселой, уверенной и предприимчивой до легкомыслия. Второе состояние стало преобладающим и, наконец, вытеснило первое до такой степени, что пациентка короткие периоды своего нормального состояния называла теперь «кризами». Приступы амнезии начались у нее в возрасте четырнадцати с половиной лет. Со временем второе состояние стало проявляться умереннее; в характерах обоих состояний произошло известное сближение⁶⁷ (Azam, 1. с, р. 63 ff.). Прекрасным примером изменения характера является случай Луи В., представленный Камюзе, Рибо, Леграном дю Солле, Рише и Вуазеном и обобщенный в работах Бурру и Бюро: тяжелая мужская истерия с амнестически чередующимся характером. В первом состоянии он невежлив, дерзок, сварлив, склонен к обжорству, вороват и бесцеремонен. Во втором состоянии обнаруживается другой, симпатичный характер, он оказывается прилежным, смышленным и послушным⁶⁸ (Bourru et Burot, *La Suggestion mentale et les variations de la personnalité*). В художественной литературе амнестические изменения в характере использованы Паулем Линдау в его пьесе «Другой»⁶⁹ (См. Moll, *Die Bewußtseinspaltung in Paul Lindaus neuem Schauspiel*, р. 306 ff.). Случай, аналогичный изображенному у Линдау преступному адвокату, сообщает Ригер⁷⁰ (*Der Hypnotismus*, р. 109 ff.). Можно также провести параллель между нашим случаем и описанными у Жана подсознательными личностями Люси и Леони⁷¹ (Janet, *L'Automatisme psychologique*.), а также соответствующими личностями пациентки Мортон Пренса⁷² (Prince, *An Experimental Study of Visions*.); но они все же являются искусственными терапевтическими продуктами, главное значение которых лежит в области расщепления памяти и сознания. В приведенных случаях второе состояние всегда отделено от первого амнестическим расщеплением, и изменение характера каждый раз сопровождается разрывом в непрерывности сознания. В нашем же случае какое бы то ни было амнестическое расстройство отсутствует; переход из первого состояния во второе происходит вполне плавно,

так что пациентка переносит с собой в состояние бодрствования все то, что узнает в области бессознательного посредством галлюцинаций во втором состоянии и что при других обстоятельствах осталось бы ей неизвестным.

Периодическое изменение личности без амнестического расщепления имеет место также в циркулярном психозе; изредка всплывает оно и в области истерии, как показывает случай Ренодена: «Молодой человек, поведение которого всегда было безупречным, неожиданно начинает проявлять дурные наклонности». Симптомов психоза у него замечено не было, однако обнаружилось, что поверхность его тела полностью потеряла чувствительность. Это состояние периодически прерывалось, и характер пациента был подвержен соответствующим колебаниям. Как только анестезия исчезала, он становился покладистым и приветливым. Анестезия возобновлялась, и им тут же овладевали ужаснейшие порывы, доходившие, как показали наблюдения, даже до жажды убийства⁷³ (Цит. по: Ribot, *Die Personlichkeit. Pathologisch-psychologische Studien*, p. 90.).

Если мы вспомним о том, что к моменту появления этих расстройств нашей пациентке было пятнадцать с половиной лет, т. е. как раз был достигнут возраст пубертата, неизбежно возникает мысль о взаимосвязи этих отклонений с психологическими изменениями в характере, типичными для пубертатного периода. «В этот период жизни в сознание индивида вторгается новый ряд впечатлений, которым сопутствуют порождаемые ими чувства и идеи; эти непривычные состояния духа оказывают постоянное давление, они заявляют о себе непрерывно, так как порождающая их причина не прекращает своего действия; они скоординированы друг с другом, поскольку происходят из одного и того же источника; все это неизбежно должно привносить все новые и новые изменения в состояния Я»⁷⁴ (Ribot, 1. с, p. 69.). Как известно, здесь характерны колебания настроения, неясные новые и сильные чувства, склонность к мечтам, к экзальтированной религиозности и мистицизму, а наряду с этим — «впадания в детство», достаточно типичные для облика взрослого человека; в эту эпоху своей жизни человек делает первые неловкие

попытки обрести самостоятельность во всех областях; все то, что сформировали в нем семья и школа, он впервые направляет на достижение собственных целей, он строит возвышенные планы на будущее и вживается в мечты, в содержании которых преобладают честолюбие и самодовольство. Все это обусловлено психологией. У психопата же пубертат становится кризисом более серьезного значения. Тут зачастую не только необыкновенно бурно протекают психофизиологические превращения, но и формируются черты характера с признаками наследственного вырождения, которые в детстве либо не проявлялись совсем, либо проявлялись спорадически. Анализируя наш случай, мы должны помнить о специфическом пубертатном расстройстве. Причины такой предпосылки станут ясны из исследования второй личности (краткости ради мы будем называть вторую личность Ивенс, как окрестила пациентка свое высшее Я.)

Ивенс — это прямое продолжение повседневного Я. Вторая личность охватывает все содержание сознания, принадлежащего этому Я. Находясь в геми-сомнамбулическом состоянии, она точно так же общается с окружающим реальным миром, как и в состоянии бодрствования, и хотя возникающие попутно галлюцинации наносят этому некоторый ущерб, он тем не менее выражен не сильнее, чем у свободных от осложнений психотических галлюцинантов. Очевидно, сознание Ивенс непрерывно распространяется и на область истерических приступов, в которых она представляет драматические сцены, переживает видения и т. д. Во время самого приступа она большей частью изолирована от внешнего мира, не замечает, что происходит вокруг, не знает, что она громко говорит, и т. д. Однако относительно фантазий, составляющих содержание ее приступов, у нее нет амнезии. Не всегда имеет место и амнезия относительно моторных проявлений и изменений в ее окружении. Возможная зависимость степени интенсивности сомнамбулизма от частичной парализованности отдельных органов чувств доказывается, например, случаем, когда она сначала не замечала меня и обратила внимание на мое присутствие только после того, как я заговорил с ней. В данном слу-

чае речь идет о так называемой систематической анестезии, которая часто наблюдается у истериков.

Так, например, Флурнуа сообщает о Хелен Смит, что она во время сеансов внезапно переставала видеть участников кружка, хотя еще слышала их голоса и ощущала их прикосновение, или внезапно ее поражала глухота, хотя она видела, как двигаются губы говорящего, и т. п. 75 (1. с, р. 59.)

Ивенс, с одной стороны, продолжает бодрствующее Я, а с другой — все содержание своего сознания вновь возвращает бодрствующему состоянию. Это странное поведение решительно говорит против аналогии со случаями *double conscience*. Достоинства Ивенс, о которых говорилось выше, образуют резкий контраст с чертами собственного характера пациентки; ей присущи спокойная гармония, приятная скромность, сдержанность, уравновешенный интеллект, уверенная общительность — все это может рассматриваться как улучшение характера в целом; в этом есть некоторое сходство с Леони, описанной у Жане. Однако это не более чем простое сходство. Их разделяют глубокие психологические различия, не говоря уже об амнезии. Леони II — более здоровая, более нормальная, к ней возвращаются ее естественные способности, она — временное выздоровление на фоне хронической истерии. Ивенс же заключает в себе нечто искусственное, в ней есть что-то выдуманное; несмотря на все свои преимущества, она производит впечатление прекрасно разыгранной роли; ее мировая скорбь, ее стремление войти в потустороннее — это уже не просто набожность, это атрибут святости; Ивенс — уже не человек, но мистическое существо, которое лишь отчасти принадлежит реальной действительности; ее меланхолические склонности, печальная покорность, таинственная судьба приводят нас к историческому прообразу Ивенс: это «Ясновидящая из Преворста» Юстинуса Кернера. Содержание книги Кернера предполагается известным, поэтому указание на сходные черты можно опустить. Ивенс, однако, не является копией ясновидящей: ей недостает смирения и пиетистской набожности последней. Ясновидящая была именно прообразом. Пациентка принимает роль ясновидя-

щей для своей собственной души, причем, стремясь создать идеал добродетели и совершенства, она предвосхищает будущее, и в образе Ивенс воплощается то, чем пациентка хотела бы стать к двадцати годам, а именно: уверенной, влиятельной, умной, грациозной, добродетельной женщиной. В конструкции второй личности и заключается глубочайшее различие между Ивенс и Леони II. Обе психогенны. Но Леони I обретает в Леони II то, что ей, собственно, принадлежит, тогда как наша пациентка конструирует личность за пределами самой себя. Нельзя сказать, чтобы она «обманывала себя», но она «придумывает себя», вживаясь в мечтах в высшее, идеальное состояние⁷⁶ («...reves somnambuliques... sortes de romans de l'imagination subliminale, analogues a ces "histoires continues" que tant de gens se racontent a eux-memes, et dont ils sont generalement les heros, dans leurs moments de far niente ou d'occupations routinieres qui n'offrent qu'un faible obstacle aux reveries interieures. Constructions fantaisistes, mille fois reprises et potirsuivies, rarement acheve-es, oil la folle du logis se donne libre carriere et prend sa revanche du terne et platt terre-a-terre des realites quotidiennes» (Flournoy, I. c, p. 8).

[«...сомнамбулические сны... это нечто вроде романов сублиминального воображения, подобных тем "продолжающимся историям", которые столько людей рассказывают сами себе и героями которых они обычно являются в моменты праздности или повседневных занятий, составляющих лишь слабое препятствие для внутренних сновидений. Это фантастические конструкции, тысячу раз возобновляемые и продолжаемые, редко завершающиеся, в которых фантазия берет реванш за серое, будничное существование и в которых истерики дают себе волю» (фр.).]

Реализация этой мечты живо напоминает психологию патологической лжи. Дельбрюк⁷⁷(Die pathologische Luge und die psychisch abnormen Schwindler.) и Форе⁷⁸(Der Hypnotismus). указывали на значение аутосуггестии при формировании патологической лжи и фантазий. Пик⁷⁹(Uber pathologische Trugumerei und ihre Beziehung zur Hysterie, p. 280 ff".) приводит в качестве первого симптома истерических фантазий интенсивную аутосугге-

стивность, которая и делает возможной реализацию «снов наяву». Пациентка Пика вживается в мечты в нравственно рискованную ситуацию и в конце концов инсценирует покушение на изнасилование самой себя, причем она обнаженной ложится на пол и привязывает себя к столу и стульям. Или формируется драматическая личность, с которой пациентка вступает в переписку, как, например, в случае Бона⁸⁰ (Bohn, Ein Fall von doppelten Bewußtsein.), когда пациентка придумывает себе помолвку и предсвадебные отношения с совершенно фантастическим адвокатом из Ниццы и якобы получает от него письма, которые она между тем пишет сама измененным почерком. Эти патологические фантазии с аутосуггестивной подтасовкой воспоминаний, достигающей до настоящего бреда и галлюцинаций, обнаруживаются также в жизни многих святых⁸¹ (Görres, Die christliche Mystik).. От фантастических представлений с сильной чувственной окраской до настоящих комплексных галлюцинаций только один шаг⁸² (См. Behr, Erinnerungsfälschungen und pathologische Traumzustände; см. также: Ballet, Le Langage interieur.). Так, например, в первом случае у Пика можно видеть, как пациентка, воображающая себя королевой Елизаветой, постепенно до такой степени теряет себя в своих фантазиях, что внешне ее состояние может быть охарактеризовано как настоящее помрачение, которое позднее действительно переходит в истерический делирий, и ее фантастические мечты становятся типичными галлюцинациями. Патологический лжец, который дает увлечь себя своим фантазиям, ведет себя так же, как ребенок, забывающий себя в своей игре⁸³ (См. Redlich, Ein Beitrag zur Kenntniss der Pseudologia phantastica, p. 66.), или как актер, совершенно вошедший в роль. Разница с сомнамбулическим расщеплением личности тут не принципиальна, она проявляется лишь как различие в степени и покоится на первичной аутосуггестивности и разъединении психических элементов. Чем больше диссоциируется сознание, тем большей будет пластичность фантастических ситуаций, тем. меньшей будет доля сознательной лжи и сознательности вообще. Эта захваченность интересующим предметом есть то, что Фрейд называл «истерической идентификацией». Одна

тяжелая истерическая пациентка Эрлера⁸⁴(*Hysterisches und hysteroleptisches Itresein*, p. 21.), например, гипнагогически представляла себе многочисленных маленьких бумажных всадников, настолько захватывавших ее фантазию, что у нее возникало ощущение, будто она тоже всадник и находится среди них. В норме аналогичные явления встречаются нам в снах; ведь в этот момент мы мыслим преимущественно «истерически»⁸⁵(Binet (1. с, p. 79): «Les hysteriques ne sont pour nous que des sujets d'election, agrandissant des phenomenes qu'on doit necessairement retrouver a quelque degrechez une foule d'autres personnes qui ne sont ni atteintes ni meme effleurees par la nevrose hysterique»). [«Истерия является для нас лишь особым объектом, вырастающим из явлений, которые всегда можно обнаружить в какой-то степени у многих других людей, не пораженных и даже не затронутых истерическим неврозом» (фр.)]. Полная захваченность интересующей идеей объясняет нам также недостижимую для сознательного актерства естественность псевдологических или сомнамбулических представлений. Чем меньше вмешивается с размышлениями и оценками бодрствующее сознание, тем надежнее и убедительнее будет объективация мечты⁸⁶(Вспомним, например, о путешествующих по крышам лунатиках.).

Наш случай имеет еще одну аналогию с *Pseudologia phantastica** (Псевдология, патологическая страсть ко лжи (лат.)): в своем формировании он развивается от приступа к приступу. В литературе многократно представлены случаи, когда патологическая ложь под влиянием различных истероформных осложнений формируется приступообразно⁸⁷(Delbrück, 1. с, Redlich, 1. с. Вспоминается в связи с этим также развитие бредовых идей в эпилептически помраченном состоянии, о котором сообщает Morchen, 1. с, p. 51, 52.). Наша пациентка развивает свою систему исключительно во время приступа. В нормальном состоянии она совершенно не способна дать какую-то новую идею или разъяснение, для этого ей каждый раз необходимо вызвать состояние сомнамбулизма или ожидать наступления

последнего. Этим аналогия с патологическими фантазиями и с *Pseudologia phantastica* исчерпана.

Существенное отличие нашей пациентки от случаев патологических фантазий состоит в том, что никогда нельзя было доказать, что сплетения ее фантазий сформировались прежде предмета ее повседневного интереса; ее фантазии, подобно внезапной взрывной волне, прорываются из мрака бессознательного в ошеломляющих количествах. Совершенно так же было в случае пациентки Флурнуа Хелен Смит. Однако во многих случаях (см. ниже) может быть доказана их связь с тем, что было воспринято в нормальном состоянии, а это позволяет предположить, что истоком подобных фантазий первоначально были эмоционально значимые представления, занимавшие бодрствующее сознание, правда, лишь на протяжении короткого времени⁸⁸(См. в связи с этим в высшей степени интересное предположение Флурнуа о возникновении *des cycle hindou* у Х. С: «*Je ne serais pas eЧоппé que la remarque de Maries sur la beaute des femmes du Kanara ait ete le clou, l'atome crochu, qui a pique l'attention subliminale et l'a tres naturellement rivee sur cet unique passage, avec les deux ou trois lignes consecutives, a l'exclusion de tout le contexte environnant, beacoup moins interresant*» (1. с, р. 285). [«Я бы не удивился тому, что замечания Марле относительно красоты женщин с Канар было ключом, который породил сублиминальное внимание и очень естественным образом остановил его на этом единственном пассаже, с двумя или тремя следующими друг за другом строчками, исключая весь окружающий контекст, гораздо менее интересный» (фр)]). Мы должны предположить также, что при возникновении подобных фантазий большую роль играет истерическая забывчивость⁸⁹(Жане говорит: «Мнимая ложь истериков если не всегда, то довольно часто обязана своим происхождением забывчивости. Аналогично ей можно объяснить их капризы, переменчивость их настроения, их неблагодарность — одним словом, их непостоянство, поскольку взаимосвязанность прошлого и будущего, которая и сообщает всему поведению серьезность и соразмерность, в значительной степени зависит от памяти» (Der

Geisteszustand der Nystischen, p. 67) (цит. по Шарко.), и этого нельзя упускать из виду: многие представления, которые сами по себе достаточно ценны, чтобы сохраняться в сознании, подвергаются забвению; ряды мыслей, связанных с ними, исчезают из сознания и благодаря психической диссоциации дальше разворачиваются в бессознательном; это процесс, с которым мы вновь и вновь сталкиваемся в генезисе сновидений⁹⁰ («Благодаря сознательному размышлению нам становится известно, что в использовании внимания мы следуем определенному пути. Если на этом пути мы приходим к представлению, не выдерживающему критики, то процесс прерывается; внимание ослабевает. Представляется, однако, что начатый и прекращенный ход мысли может продолжаться и без того, чтобы внимание вновь обращалось к нему, если только в каком-нибудь месте он не достигнет такой интенсивности, которая привяжет внимание принудительно. Таким образом, первоначальное отклонение мыслительного процесса, совершаемое сознанием на основе суждения о его неправильности или непригодности для актуальных целей акта мышления, может стать причиной того, что он будет продолжаться незаметно для сознания вплоть до момента засыпания». (Freud, Die Traumdeutung, p. 351).). Таким образом можно объяснить появление фантазий, якобы внезапное и неожиданное. Тотальное погружение сознательной личности в фантастическую роль косвенно опосредствует развитие сосуществующих автоматизмов: «Une seconde condition peut amener la division de conscience; ce n'est pas une alteration de la sensibilite, c'est une attitude particuliere de l'esprit, la concentration de l'attention sur un point unique; il resulte de cet etat de concentration que l'esprit devient distrait pour le reste, et en quelque sorte insensible, ce qui ouvre la carriere aux actions automatiques; et ces actions... peuvent prendre un caractere psychique et constituer des intelligences parasites, vivant cote a cote avec la personalite normale qui ne les connait pas»⁹¹ (Binet, 1. с, p. 84. [«Второе условие может вызвать разделение сознания; это не потрясение чувственной сферы, это специфическая установка психики, концентрация внимания на одном-единственном пункте; он вытекает из такого состояния концентрации, когда

психика становится рассеянной по отношению к остальному и в некотором роде бесчувственной, что открывает путь для автоматических действий; и эти действия... могут принимать психический характер и формировать паразитические интеллекты, живущие бок о бок с нормальной личностью, которая их не знает» (фр.).]

Романы пациентки дают примечательное разъяснение относительно субъективных корней ее фантазий. Они наполнены явными и тайными любовными историями, незаконными рождениями и другими сексуально сомнительными вещами. В центре всех ее двусмысленных историй находится антипатичная ей женщина, которая постепенно образует полярную противоположность ей самой, так что Ивенс оказывается вершиной добродетели, а означенная дама — бездной порока. Ее учение о реинкарнации, в котором она выступает родоначальницей бесчисленных тысяч потомков, с неприкрытой наивностью вырастает из избыточных фантазий, которые столь свойственны для пубертатного периода. Это наполненная предчувствием сексуальность женщины, ее мечта о плодовитости, которая и породила у пациентки столь причудливую идею. Если подходить с этой точки зрения, то сущность Ивенс и всего ее неслыханного семейства сведется к осуществлению в мечтах сексуального желания, а отличие от ночных сновидений будет состоять лишь в том, что фантазия эта продлится месяцы и годы.

1. Отношение к истерическому припадку

Лишь один пункт в истории С. В. остался до сих пор без обсуждения, а именно ее припадок. Во время второго сеанса пациентка была охвачена внезапным припадком физической слабости, от которого очнулась с воспоминанием о различных галлюцинациях. По ее свидетельству, она ни на минуту не теряла сознания. По внешним симптомам и по протеканию этих приступов можно было бы предположить нарколепсию или летаргию, как они были описаны, например, Левенфельдом; тем более что нам известно о приступе летаргии у одного из членов семьи (у бабушки). Вполне возможно, что наша пациентка унаследовала «летаргическую предрасположенность» (Левен-

фельд). На спиритических сеансах часто наблюдались истерические конвульсивные припадки. Однако у нашей пациентки конвульсивных явлений никогда не было, вместо них возникали состояния своеобразного сна. В данном случае этиологически в поле нашего зрения попадают два момента:

- 1) распространение гипноза,
- 2) психическое возбуждение.

1. Распространение парциального гипноза. По наблюдениям Жане, подсознательные автоматизмы имеют гипнотическое воздействие и могут повлечь за собой тотальный сомнамбулизм⁹² («Une autre consideratin rapproche encore ces deux etats, c'est que les actes subconscients ont un effet en quelque sorte hypnotisant et contribuant par eux-memes a amener le somnambulisme» (L'Automatisme psychologique, p. 329). [«Другое соображение также сближает эти два состояния, а именно что подсознательные акты имеют в некотором роде гипнотизирующий эффект и сами по себе способствуют возникновению сомнамбулизма» {фр.}]). Он поставил следующий эксперимент: второй наблюдатель вовлекал в разговор пациентку, находившуюся в состоянии полного бодрствования, между тем как Жане стоял у нее за спиной и, делая шепотом внушение, заставлял бессознательно двигать рукой, писать и знаками давать ответ на вопросы; внезапно пациентка прервала разговор на полуслове, обернулась и продолжила сознательное (mit ihrem Oberbewußtsein) общение с Жане, бывшее до тех пор подсознательным: она была в состоянии гипнотического сомнамбулизма⁹³ (1. с, p. 329.). В этом примере представлен процесс, напоминающий наш случай. Однако по известным причинам (они будут обсуждаться ниже) следует признать, что такое состояние сна нельзя рассматривать как гипноз. Поэтому встает вопрос о

2. Психическом возбуждении. О Беттине Brentano известно, что когда она в первый раз встретилась с Гёте, то заснула у него на коленях⁹⁴(В литературе этот эффект — засыпание в момент высочайшего возбуждения — использован Гюставом Флобером в романе «Саламбо», когда герой, завоевавший наконец Саламбо в результате упорной борьбы, внезапно засыпает в тот

самый момент, когда прикасается к ее девичьей груди.). Из истории процессов над ведьмами известен экстатический сон, наступающий в момент ужаснейших мучений, так называемый «ведь-мин сон»⁹⁵ (Возможно, сюда же относятся случаи эмоционального паралича. См. Baetz, *Uber Emotionslahmung*.).

Для лиц с предрасположенностью достаточно относительно небольшого повода, чтобы спровоцировать сомнамбулическое состояние. Так, например, одной чувствительной даме удаляли из пальца занозу. Без каких-либо изменений в физическом состоянии она внезапно мысленно перенеслась на прекрасный луг и увидела себя на берегу ручья, где собирала цветы. Это состояние длилось ровно столько, сколько продолжалась незначительная операция, и потом прошло само собой без какого-либо особого вмешательства⁹⁶ (Hagen, *Zur Theorie der Hallucination*, p. 17.).

Ненамеренное провоцирование истерической летаргии посредством гипноза наблюдал Левенфельд⁹⁷ (*Ober hysterische Schlafzustande*, p. 59.). Наш случай имеет известное сходство с истерической летаргией по описанию Левенфельда⁹⁸ (См. Flournoy, 1. с, p. 65. " Loewenfeld, 1. с, p. 737.): дыхание поверхностное, пульс редкий, лицо мертвенно-бледное, далее — характерное чувство умирания и мысли о смерти". Сохранение отдельных сфер чувствительности не свидетельствует против летаргии: так, в известных случаях при мнимой смерти сохраняется способность слышать¹⁰⁰ (1. с, p. 737.). В случае, приведенном Бонамезоном¹⁰¹ (*Un Cas remarquable d'hypnose spontanee*, p. 234.), чувства не только сохранились, но слух и обоняние даже обострились. Имели место также галлюцинаторное содержание и разговоры вслух с лицом, галлюцинировавшим в летаргии¹⁰² (Loewenfeld, 1. с, p. 737.). Как правило, летаргический интервал перекрыт тотальной амнезией. В случае Д., описанном Левен-фельдом¹⁰³ (1. с, p. 737.), по пробуждении сохранялось некоторое воспоминание, в случае Бонамезона амнезии не было совсем. На впавших в летаргию не действуют обычные пробуждающие раздражители; однако Левенфельду посредством «штрихов Месмера» удалось превратить летаргию своей пациентки в гипноз и таким путем войти в контакт с остаточным со-

знанием в границах приступа¹⁰⁴ (Loewenfeld, 1. с, р. 59.). Наша пациентка в летаргии сначала была совершенно недоступна для общения, потом начала спонтанно разговаривать, причем была неконтактна, когда говорило ее сомнамбулическое Я, и контактна, когда говорили автоматические личности. В последнем случае возможно, что гипнотизирующее воздействие автоматизмов привело к частичному превращению летаргии в гипноз. Если принять во внимание, что, по мнению Левенфельда, летаргическую предрасположенность нельзя напрямую идентифицировать с поведением нервного аппарата, характерным для истерии, то предположение об унаследовании соответствующей диспозиции от родственников в нашем случае приобретает известную вероятность. Приступы сильно осложняют клиническую картину.

До сих пор мы видели, что Я-сознание пациентки во всех случаях идентично. Пока мы рассмотрели два вторичных комплекса Я-сознания и проследили их вплоть до сомнамбулического приступа, в котором они предстают как видения пациентки, одновременно прекращая свои моторные проявления. Во время последующих приступов для внешнего наблюдения они оставались невидимыми, но в противоположность этому разворачивали особую интенсивную деятельность как видения в помраченном состоянии. Представляется, что уже на ранних этапах от первичной бессознательной личности откололись многочисленные ряды вторичных представлений, потому что уже после одного-другого сеанса духи следовали дюжинами. Их имена были разнообразны и неисчерпаемы, тогда как различия между соответствовавшими им личностями скоро истощились и обнаружилось, что все они группируются вокруг двух типов: серьезно-религиозного и беспутно-веселого. Поэтому речь и шла, собственно, только о двух подсознательных личностях, которые, правда, и выступали под различными именами, но это не имело существенного значения. Более старший тип, дедушка, с которым и пришли автоматизмы, первым начал оказывать услуги помраченному состоянию. Я не могу припомнить ни одной суггестии, которая могла бы дать повод к автоматической речи. Опираясь на предыдущие рассуждения, приступ при таких

обстоятельствах мы можем рассматривать как частичный аутогипноз. Сохраняющееся Я-сознание, которое вследствие изоляции от внешнего мира целиком занято своими галлюцинациями, является остатком бодрствующего сознания. Для автоматизма открывается тем самым дополнительное поле деятельности. Самостоятельность отдельных центральных сфер, которую мы с самого начала констатировали у пациентки, дает нам возможность объяснить акт автоматической речи. Иногда ведь и спящий говорит во сне, да и бодрствующий человек волнующие мысли сопровождает бессознательным шепотом¹⁰⁵(См. исследования Леманна о невольном шепоте. В кн.: *Aberglaube und Zauberei*, p. 386 ff.) . Характерные движения речевой мускулатуры бывают заметны. Они наблюдались также и у других сомнамбул¹⁰⁶(Вот что пишет, к примеру, Флурнуа: «Dans un premier essai, Leopold... ne reussit qu'a donner ses intonations et sa prononciation a Helene: apres une seance ou elle avait vivement souffert dans la bouche et le cou comme si on lui travaillait ou lui enlevait les organes vocaux, elle se mit a causer tres naturellement» (I. с, p. 100). [«В первой попытке Леопольду... удастся передать Елене свои интонации и свое произношение: после сеанса, во время которого она очень страдала от боли во рту' и в шее (словно ее душили или вырезали голосовые связки), она стала разговаривать совершенно естественно» (фр.).]). Эти неловкие попытки образуют прямую параллель бессмысленным и неуклюжим движениям стола или стакана и, весьма вероятно, соответствуют предварительным проявлениям моторного компонента представлений, иначе говоря, некоторому возбуждению, ограниченному моторными центрами и не подчиненному поначалу никакой высшей системе. Я не знаю, происходит ли с говорящим во сне то же самое, однако это наблюдалось у гипнотизируемых¹⁰⁷(Loewenfeld, *Uber hysterische Schlafzustande*, p. 60.).

Благодаря такому удобному коммуникативному средству, как язык, изучение подсознательных личностей было существенно облегчено. Объем их разума относительно невелик. Они располагают теми же знаниями, которые имеет пациентка в бодрствующем состоянии, к ним присоединяются

случайные даты, вроде дней рождения умерших незнакомых людей, происхождение которых довольно туманно; сама пациентка не представляет, откуда она могла бы узнать об этом естественным путем. Это так называемые криптомнезии, которые, однако, слишком незначительны и не заслуживают более подробного рассмотрения. Интеллектуальный уровень обеих подсознательных личностей весьма невысок — они сообщают исключительно банальные вещи. Представляет интерес то, как они относятся к Я-сознанию пациентки в сомнамбулическом состоянии. Они постоянно осведомлены обо всем, что происходит в экстазе, и делают сообщения, возможно, с точностью до минуты¹⁰⁸(Такое поведение напоминает наблюдения Флурнуа: в то время как Н. S. сомнамбулически говорит о Марии Антуанетте, руки его принадлежат не сомнамбулической личности, а сомнамбулизму «Леопольд», который посредством жестов общается с наблюдателем (i. c, p. 125.)). Однако подсознательные личности лишь очень поверхностно знакомы с фантастическими ментальными процессами пациентки, они не понимают их и не могут правильно ответить ни на один вопрос, затрагивающий этот предмет; они стереотипно кивают на Ивенс: «Спросите Ивенс». Это наблюдение вскрывает известный дуализм в характере подсознательной личности, который довольно трудно объяснить: тот самый дедушка, который заявляет о себе в автоматической речи, является и Ивенс в ее видениях и, по ее свидетельству, поучает ее относительно различных вещей. Почему же тогда дедушка, говоря устами пациентки, ничего не знает о тех самых предметах, о которых он давал поучения во время экстазов?

Мы вновь должны вернуться к рассуждениям по поводу первого появления галлюцинаций. Тогда мы интерпретировали видения как распространение гипноза на визуальную сферу. Это распространение привело не к обычному гипнозу, а к возникновению «истерогипноза», означающего, что к нормальному гипнозу присоединилось осложнение в виде истерического припадка.

В области гипнотизма бывает, что из-за неожиданного наступления истерического сомнамбулизма нормальный гипноз оказывается нарушен или замещен, вследствие чего гипнотизер часто утрачивает контакт с пациентом. В нашем случае автоматизм, проявляющийся в моторной области, играет роль гипнотизера; исходящие от него суггестии (объективно их следует называть ауто-суггестиями) гипнотизируют соседние области, в которых можно констатировать известную восприимчивость. В момент проникновения гипноза в визуальную сферу сказывается вмешательство истерического припадка, который, как было замечено, становится причиной очень глубоких изменений во многих областях психики. Мы должны предположить, что автоматизм так же нарушается от приступа, как воздействие гипнотизера — от патологического гипноза: в том и в другом случае влияние на дальнейшее развитие ситуации оказывается утраченным. В качестве последнего воздействия (автоматизма или гипнотизера) на личность сомнамбулы может наблюдаться галлюцинаторное явление гипнотизирующей личности и соответственно внушаемой мысли. Однако с этого момента гипнотизер становится фигурой, с которой личность сомнамбулы взаимодействует самостоятельно; он может лишь приблизительно констатировать, что происходит, однако уже не является *conditio sine qua* поп*(Непременным условием (лат.))

содержания сомнамбулической атаки. Самостоятельный Я-комплекс приступа, в нашем случае Ивенс, получает теперь преимущество и группирует свои собственные духовные продукты вокруг личности своего гипнотизера, дедушки, роль которого с этого момента низводится до простого образа. Таким путем мы можем прийти к пониманию дуализма в характере дедушки. Дедушка I, напрямую говорящий с окружающими, — это совершенно отдельная личность, он является простым зрителем своего двойника, дедушки II, который и выступает в роли учителя Ивенс. Дедушка I не упускает случая заверить в том, что оба они являются одной и той же личностью, что номер I располагает теми же познаниями, что и номер II, и что только языковой барьер (глоссолалия), осложняющий ситуацию, препятствует сообщениям но-

мера II. Сама пациентка, конечно, не осознает этого расщепления, а принимает их за одно и то же лицо. Правда, если приглядеться, дедушка I не так уж далек от истины, и он мог бы сослаться на одно наблюдение, которое, как кажется, говорит в пользу идентичности первого и второго: когда первый говорит посредством автоматизмов, то второй отсутствует, т. е. Ивенс замечает, что его нет, и не может сообщить, где во время экстаза находился первый; или когда по возвращении она узнает, что дедушка между тем оберегал ее тело. И напротив, дедушка никогда не говорит, если отправляется с Ивенс в путешествие или делает ей особые разъяснения. Это обстоятельство, во всяком случае, заслуживает внимания. Если первый действительно является гипнотизером, совершенно обособленным от личности Ивенс, то нет причин, которые делали бы невозможным появление в экстазе его образа номер два и одновременную объективную речь первого. Но хотя это и представляется весьма вероятным, такого никогда не наблюдалось. Как же решается эта дилемма? Во всяком случае, идентичность первого и второго имеет место, однако реализуется она не в области самой личности, а в том общем базисе, который составляет основу для обоих, а именно в глубочайшей сущности единой и неделимой личности пациентки.

Здесь мы сталкиваемся с характерной чертой всех истерических расщеплений сознания. Это — нарушения, относящиеся только к поверхности, и ни одно из них не проникает столь глубоко, чтобы затронуть устойчиво структурированный фундамент Я-комплекса. Где-то, часто в весьма потаенных местах, мы все-таки находим мосты, переброшенные через казавшуюся непреодолимой пропасть. Из четырех игральные карты одна силой внушения делается невидимой для гипнотизируемого, и он соответственно называет только три оставшиеся. А потом ему дают в руки карандаш и просят записать все карты, лежащие перед ним; он правильно добавляет четвертую¹⁰⁹(Dessoir, *Das Doppel-Ich*, p. 29.). Один пациент Жане¹¹⁰(*L'Anesthésie hystérique*, p. 69.) в ауре своих истероэпилептических припадков всегда имел видение пожара, и каждый раз, когда он видел открытый огонь, у него начи-

нался припадок; чтобы спровоцировать его, достаточно было показать горящую спичку. Слева поле зрения пациента сужено на 30°, правый глаз закрыт. Левый глаз должен теперь фиксировать только середину периметра, но если под углом в 80° держат зажженную спичку, то тут же начинается истероэпилептический припадок. Несмотря на обширную амнезию, во многих случаях пациенты ведут себя неадекватно степени своего незнания, но так, как если бы некий темный инстинкт направлял их действия в соответствии с их прежними познаниями. Не только это относительно легкое амнестическое расщепление, но и тяжелые амнезии эпилептически помраченного состояния, которые считались *irreparabile damnum** (Невозместимым ущербом (лат.)), не в силах перерезать сокровеннейшие нити, связывающие Я-комплексы помраченного и нормального состояний. В одном случае оказалось даже возможным включить содержание помраченного сознания в Я-комплекс бодрствующего состояния¹¹¹ (Graeter, Ein Fall von epileptischer Amnesie durch hypnotische Hypermnese beseitigt, p. 129.).

Если мы обратимся теперь к нашему случаю, учитывая этот опыт, то для его объяснения должны будем принять предпосылку, что те слои бессознательного, которых расщепление не достигает, под влиянием соответствующих суггестии стремятся как раз представить единство автоматической личности, однако эти усилия терпят крушение из-за глубокого проникновения более элементарных нарушений, вызванных истерическими припадками¹¹² (В кн. *Über Pupillenstarre im hysterischen Anfall*, p. 52, Karplus говорит: «Истерический припадок не является чисто психическим процессом. Посредством психических процессов только запускается некий преформированный механизм, который сам по себе с психическими процессами не имеет ничего общего».); последние препятствуют успешному синтезу тем, что разъединяют ассоциации, составляющие до некоторой степени исконную собственность сознательной (*oberbewußten*) личности: возникающие у Ивенса фантазии вкладываются в уста других фигур, случайно оказавшихся в поле ее зрения, и после уже остаются ассоциированными с этими лицами.

ш) Отношение к бессознательным личностям

Как мы видели, многочисленные личности группируются вокруг двух типов: дедушки и Ульриха фон Гербенштайна. Первый — носитель духа крайнего религиозного пиетизма, он выдает множество моральных назиданий, предписаний и т. п. Если характеризовать одним словом второго, то это девочка-подросток, и кроме имени ничего мужского там нет. В этом месте мы должны пополнить анамнез сообщением о том, что в пятнадцать лет пациентка проходила конфирмацию у строгого пиетистского священника и что дома она также при случае выслушивает пиетистские моральные проповеди. Дедушка представляет эту сторону ее прошлого, а Гербенштайн — другой его аспект, отсюда этот странный контраст. Таким образом, мы имеем дело с персонификациями главных характеров прошлого: с одной стороны, пиетистски настроенный надзиратель, с другой — безоглядное легкомыслие живой пятнадцатилетней девочки, которое заходит порой слишком далеко¹³ (Эта объективация определенных единых ассоциативных комплексов была использована в литературе Карлом Хауптманом в его драматическом сочинении «Горная кузница». Там таковой выступает галлюцинация кладоискателя, которая объединяет в себе все лучшие черты его характера и предстает перед ним в ужасную ночь.)

У самой пациентки мы находим удивительное смешение обеих этих черт: то она пуглива, робка, преувеличенно замкнута, то до предела легкомысленна. Часто она сама болезненно переживает эти противоречия. Это-то обстоятельство и дает нам ключ к истокам двух бессознательных личностей. Пациентка совершенно явно ищет средний путь между этими двумя крайностями, она пытается избежать их и достичь идеального состояния. Эти попытки приводят к пубертатным мечтам об идеальной Ивенс, образ которой должен отодвинуть неуравновешенные черты ее характера на задний план. Они, однако, не исчезают, а в качестве вытесненных мыслей начинают самостоятельное существование как автоматические личности аналогично идее Ивенс.

Все это живо напоминает исследование сновидений у Фрейда, выявившее самостоятельное разрастание вытесненных мыслей¹⁴ (Freud, 1. с. См. также: Breuer und Freud, Studien über Hysterie, p. 177 ff.). Мы понимаем теперь также, чем отличаются галлюцинаторные личности от тех, которые пишут и говорят в автоматизмах. Первые поучают Ивенс о тайнах потустороннего мира, рассказывают ей все эти фантастические истории об исключительности ее особы, они создают ей ситуации, в которых образ Ивенс драматизируется, обретает атрибуты власти, мудрости, добродетели. Это не что иное как драматическое расщепление ее фантастического Я. Последние же подлежат преодолению, они не должны иметь ничего общего с Ивенс — это лишь имена. А priori не следует ожидать, что в случае, подобном нашему, где вполне резких разграничений нет, две столь выразительные и своеобразные индивидуальности бесследно пропадут в сомнамбулическом Я-комплексе, связанном с бодрствующим состоянием. Мы действительно встречаем их — частью в экстатических сценах покаяния, частью в романах, изобилующих довольно банальными сплетнями. В общем и целом же преобладает значительно смягченная форма.

п) Процесс

Осталось сказать еще несколько слов о том, как протекала эта своеобразная аффектация. В течение одного-двух месяцев процесс достиг кульминации. Данное здесь описание Ивенс и подсознательных личностей в общем соответствует именно этому периоду. Начиная с этого момента наблюдается постепенное затухание процесса, так что экстазы становятся все менее содержательными, а влияние Гербенштайна все возрастает. Убывает пластичность видений; постепенно появляется множество крайне перепутанных характеров, которые вначале были отчетливо разделены. Психологических продуктов становится все меньше, и в конце концов вся история приобретает на редкость мошеннический характер. Эта деградация глубоко затрагивает и Ивенс, она становится болезненно неуверенной, говорит осторожно, как бы наугад, и все более неприкрыто обнаруживает характер самой пациентки.

Сомнамбулические атаки также утратили прежнюю интенсивность. Можно было проследить практически все ступени от сомнамбулизма до преднамеренной лжи.

На этом занавес был опущен. Через некоторое время пациентка уехала за границу. То, что ее характер стал намного приятнее и стабильнее, имеет огромное значение, которое нельзя недооценивать, если мы вспомним о случаях, в которых состояние номер I постепенно замещало состояние номер II. Возможно, тут речь идет об аналогичном явлении.

Как известно, сомнамбулические явления особенно часты в пубертатном возрасте¹⁵(Pelman, 1. с, р. 74.). Так, случай сомнамбулизма, наблюдавшийся у Duce¹⁶(Jessen, Doppertes Bewufitsein, р. 407.), начался непосредственно с наступлением пубертата и продолжался как раз до окончания последнего. Точно так же тесно связан с пубертатом сомнамбулизм Хелен Смит¹⁷(Flournoy, 1. с, р. 28.). Пациентка Шредера ван дер Колька в момент заболевания была в возрасте 16 лет; Фелида К.— 14 с половиной и т. д. Мы знаем также, что в это время формируется и фиксируется будущий характер. В случаях Фелиды К. и Мэри Рейнолдс мы видели, что характер номер 2 постепенно вытесняет и замещает характер номер 1. Поэтому вполне допустимо, что подобные явления раздвоения сознания оказываются не чем иным как новообразованиями характера или попытками прорыва будущей личности, которые в силу особых трудностей (неблагоприятные внешние обстоятельства, психопатическая предрасположенность нервной системы и т. д.) связаны с характерными расстройствами сознания. В некоторых обстоятельствах сомнамбулизма приобретают в высшей степени телеологическое значение именно с точки зрения трудностей, противостоящих будущему характеру, так как вооружают человека средствами для победы; в противном случае он был бы обречен на поражение. Я вспоминаю здесь прежде всего о Жанне д'Арк, исключительное мужество которой живо напоминает действия Мэри Рейнолдс-2. В этом месте следует также указать на аналогичное значение *hallucination teleologique** (Телеологической галлюцинации (фр.).)

, случаи которой, правда, попадали время от времени в поле зрения исследователя, но до сих пор не получили должной научной обработки.

о) Возрастание функций под воздействием бессознательного

Все важнейшие явления, которые представляет наш случай и которые существенны для его внутренней реконструкции, нами теперь систематизированы и рассмотрены. Далее речь пойдет лишь о том, чтобы бегло рассмотреть некоторые сопутствующие явления, а именно возрастание функций под воздействием бессознательного. Со стороны представителей науки в этой области нередко проявляется скептицизм, не лишенный оснований. Уже идеи Дессуа относительно второго Я столкнулись с различными возражениями и критиковались с различных позиций за излишний энтузиазм. Как известно, в этой области обосновался оккультизм, поспешивший сделать преждевременные выводы из сомнительных наблюдений. Фактически мы еще далеки от

того, чтобы утверждать что-либо с окончательной определенностью, поскольку достаточного материала пока нет. И если мы все-таки вторгаемся в область возрастания функций под воздействием бессознательного, то лишь потому, что хотим отдать должное всем аспектам нашего случая.

Говоря о возрастании функций под воздействием бессознательного, мы имеем в виду те автоматические процессы, результат которых недостижим для сознательной психической деятельности данного индивида. Сюда относится прежде всего чтение мыслей по движениям стола. Я не знаю, существуют ли люди, которые посредством индуктивных заключений могут отгадать длинную последовательность мыслей по интендированным вибрациям стола. Во всяком случае, несомненно, что если даже и допустить подобную возможность, то такие люди должны располагать навыком, возникающим только в результате неустанных упражнений. Однако в нашем случае навык, без всяких сомнений, может быть исключен, и не остается ничего другого, как сделать предположение, что первичная восприимчивость бессознательного намного превосходит сознательную. Эта предпосылка может опереться на многочисленные наблюдения над сомнамбулами. Я упомяну здесь только

эксперименты Бине¹¹⁸ (1. с, р. 125. См. также данные Левенфельда по этому вопросу: *Hypnotismus*), который на анестетичную кожу тыльной стороны ладони или шеи клал маленькие буквы или какие-то иные предметы и даже более сложные маленькие рельефы и заставлял воспроизводить в рисунке бессознательные восприятия. На основе этих экспериментов он пришел к следующему выводу: «D'après les calculs que j'ai pu faire, la sensibilité inconsciente d'une hystérique est à certains moments cinquante fois plus fine que celle d'une personne normale»* («Согласно расчетам, которые я смог сделать, бессознательная чувствительность истерички в некоторые моменты почти в пятьдесят раз превышает чувствительность нормальной личности» (фр.)). Еще одно возрастание функций, проявляющееся как в нашем случае, так и у многих других сомнамбул,— это процесс, который французами назван «криптомнезией»¹¹⁹ (Криптомнезию нельзя путать с гипермнезией. Последний термин обозначает ненормальное обострение способности к запоминанию, которое воспроизводит картины памяти как таковые.). Под этим понимают осознание (*Bewußtwerden*) некоторой картины памяти, которая, однако, осознается как таковая не первично, а лишь вторично, возможно, путем последующего или абстрактного рассуждения. Для криптомнезии характерно, что всплывающий образ не несет на себе признаков образов памяти, иначе говоря, с соответствующим сознательным (*oberbewußten*) Я-комплексом он не связан.

В общем и целом можно различить три пути, которыми криптомнестические образы проникают в сознание.

1. Образ проникает в сознание без опосредствования со стороны сферы чувственного восприятия (интрапсихически). Это тот случай, в котором цепь причинных связей скрыта от самого индивидуума. В этом случае криптомнезия — явление вполне обыденное, самым тесным образом сопряженное с нормальными психическими процессами. Как часто вводит она в соблазн исследователя, писателя или композитора, верящего в оригинальность своих озарений, а потом критик указывает их источник! В большинстве слу-

чаев автора защищает от упрека в плагиате собственная индивидуальная интерпретация излагаемого материала, которая доказывает его добросовестность, но бывают и такие случаи, когда бессознательное воспроизведение оказывается дословным. И если соответствующий фрагмент содержит сколько-нибудь значительную идею, то подозрение в более или менее сознательном плагиате оказывается оправданным, поскольку важная идея связана с Я-комплексом многочисленными ассоциациями. Она уже обдумывалась в разное время и в разных ситуациях и потому располагает многочисленными точками соприкосновения со всеми его аспектами, поэтому никогда не исчезнет из сознания так, чтобы одновременно исчезла и ее непрерывная связь со всем объемом сознательной памяти. У нас, однако, есть критерий, благодаря которому мы всегда можем объективно выявить интрапсихическую криптомнезию: криптомнестическое представление связано с соответствующим Я-комплексом минимальным количеством ассоциаций. Причина этого лежит в характере отношения индивида к соответствующему предмету, в несоответственности между интересом и объектом. Тут существуют две возможности: а) объект заслуживает интереса, но вследствие рассеянности или недостаточного понимания интерес невысок; б) объект не заслуживает внимания, вследствие чего и интерес невысок. В обоих случаях возникающая связь с сознанием в высшей степени лабильна, результатом чего является быстрое забывание. Легкий мостик быстро разрушается, и приобретенное представление тонет в бессознательном, где для сознания оно уже недоступно. Когда же оно благодаря криптомнезии вновь возникает в сознании, то с ним соединяется либо чувство посторонней активности, либо характер оригинального творческого произведения, поскольку уже нельзя обнаружить те пути, которыми оно проникло в подсознание. Вообще говоря, чувства посторонней активности и оригинального творчества соседствуют бок о бок, достаточно вспомнить многочисленные свидетельства гениальных натур, представленные в художественной литературе (одержимость гения)¹²⁰(«Есть ли у кого-нибудь в конце девятнадцатого столетия ясное понятие о том, что поэты

сильных эпох называли инспирацией? В противном случае я хочу это описать. При самом матом остатке суеверия действительно трудно защититься от представления, что ты только инкарнация, только рупор, только медиум сверхмощных сил. Понятие откровения, в том смысле, что нечто внезапно с несказанной уверенностью и точностью становится видимым, слышимым и до самой глубины потрясает и опрокидывает человека, есть просто описание фактического состояния. Слышишь без поисков; берешь, не спрашивая, кто здесь дает; как молния вспыхивает мысль,— с необходимостью, в форме, не допускающей колебаний,— у меня никогда не было выбора» (цит. по: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. М, 1990. Т. 2. С. 746.). Не считая отдельных выдающихся случаев такого рода, в которых еще может быть сомнение, идет ли речь о криптомнестических или оригинальных произведениях, существуют и такие, в которых криптомнестически воспроизводится фрагмент незначительного содержания, причем фактически с дословной точностью:

Так говорил Заратустра... Отрывок из корабельного (...а в самом-де вулкане журнала судна «Сфинкс» о проходит вниз узкая тро- вселяющих ужас событиях, пинка, ведущая к этим вра- происшедших в Средиземном там преисподней.) море в 1686 г.

Фигура 5

121]. с, р. 191 (цит. по: Ницше Ф. Указ. соч. С. 94).

123 «Листы из Преворста», изд. ГОстинусом Кернером, с. 57 (курсив в обеих цитатах принадлежит К. Г. Юнгу).

Как сообщила в ответ на мой запрос по этому поводу сестра писателя, Элизабет Фёрстер-Ницше, сам Ницше с удовольствием погружался в работы

Кернера в возрасте между 12 и 15 годами, когда бывал у своего дедушки, пастора Элера в Поблере, но позже никогда к ним не возвращался. Едва ли в намерения поэта входил плагиат из корабельного журнала, а если бы это и было так, то он, конечно, выбросил бы в высшей степени прозаическое и совершенно лишнее в данной ситуации место относительно «пострелять кроликов». Очевидно, что в поэтическом изображении путешествия Заратустры в ад полусознательно или бессознательно возникло это забытое впечатление юности.

На этом примере мы видим все причуды криптомнезии: совершенно несущественная деталь, которая и не заслуживает ничего, кроме скорейшего забвения, внезапно оказывается воспроизведена с почти дословной точностью, в то время как основные моменты рассказа были авторски переработаны, причем не просто изменены, но, можно сказать, воссозданы заново. Вокруг индивидуального ядра, вокруг идеи нисхождения в ад расположились живописные детали старых, забытых впечатлений об аналогичной ситуации. Статья, о которой идет речь, в остальном настолько банальна, что начитанный юноша, вероятно, лишь бегло просмотрел ее, не проявив, во всяком случае, глубокого интереса к делу. Мы имеем здесь требуемый минимум ассоциативного присоединения, ибо трудно и представить себе более резкий прыжок: от старой, глуповатой сказки к мышлению Фридриха Ницше в 1883 году. Если же мы представим себе настроение Ницше в момент сочинения «Заратустры» и вспомним об экстазах писателя, во многом напоминающих патологию¹²³(«Восторг, огромное напряжение которого разрешается порою в потоках слез, при котором шаги невольно становятся то бурными, то медленными, частичная невменяемость с предельно ясным сознанием бесчисленного множества мелких дрожаний до самых пальцев ног; глубина счастья, где самое болезненное и самое жестокое действует не как противоречие, но как нечто вытекающее из поставленных условий, как необходимая окраска внутри такого избытка света...» (цит. по: Ницше Ф. Указ. соч. С. 746-747).), то эта ненормальная реминисценция станет нам понятна.

Вторая из упомянутых выше возможностей заключается в том, что объект, сам по себе представляющий некоторый интерес, воспринимается в состоянии рассеянности или снижения интереса вследствие недостаточного понимания, а потом криптомнестически воспроизводится; его мы находим преимущественно у сомнамбул, а также в качестве курьеза в художественной литературе¹²⁴(Эккерманн. Разговоры с Гёте. С. 230.). При большом разнообразии феноменов этого типа наше внимание привлечет прежде всего речь на иностранных языках, так называемая глоссолалия. Мы находим упоминание об этом феномене повсюду, где речь идет о рассматриваемых экстатических состояниях:

в Новом Завете, в Acta Sanctorum¹²⁵(См.: G6rres, 1. с.), в процессах над ведьмами, в более позднее время у ясновидящей из Преворста, у Лауры — дочери судьи Эдмондса, потом у Хелен Смит Флурнуа, которая и в этом отношении была подвергнута совершенно уникальному обследованию; далее, в случае Бреслера¹²⁶(Bresler, Culturhistorischer Beitrag zur Hysterie, p. 333 ff.), который, вероятно, можно идентифицировать с Gottliebin Dittus пастора Блумхарта¹²⁷(Ziindel, Pfarrer J. C Blumhardt.). Как показал Флурнуа, глоссолалия, если речь идет действительно о самостоятельном языке, является феноменом криптомнестическим хост' iZ,o%r\v*(По преимуществу (греч.)). Я отсылаю читателя к интереснейшим высказываниям этих авторов¹²⁸(1. с).

Что касается нашего случая, то глоссолалия наблюдалась только один раз, причем отдельные слова, которые можно было разобрать, были рассогласованными вариациями слова «vena». Источник этого слова понятен: несколькими днями ранее пациентка углубилась в изучение вен лица по анатомическому атласу с латинскими обозначениями и использовала в своих фантазиях слово «vena», как это могло бы произойти и со здоровым человеком. Прочие слова и предложения чужого языка на первый взгляд ведут свое происхождение от французского, который пациентке немного знаком. К сожалению, у меня нет точных переводов различных предложений, так как пациентка не захотела их дать; однако мы можем предположить, что речь идет о фе-

номене, аналогичном марсианскому языку Хелен Смит. Флурнуа указывал, что марсианский язык является не чем иным как ребяческой переделкой французского, причем изменены только слова, а синтаксис сохранен. Однако еще более вероятным кажется предположение, что пациентка просто выстраивала последовательности из бессмысленных, незнакомо звучащих фонем¹²⁹ («Le baragouin rapide et confus dont on ne peut jamais obtenir la signification, probablement parce qu'il n'en a en affet aucune, et n'est qu'un pseudo-Langage», p. 193; «analogue au barragouinage par lequel les enfants se donnent parfois dans leurs jeux l'illusion qu'ils parlent chinois, indien, ou "sauvage"» (1. с, p. 152). [«Быстрый и смутный, значение которого никогда нельзя постичь, вероятно потому, что он не имеет применения и является лишь псевдоязыком»; «— аналогия здесь — тот ломаный язык, который дети используют в своих играх, воображая, будто говорят по-китайски, по-индийски или на языке "дикарей"» (фр.)), без действительного словообразования, причем известные характерные звуки она заимствовала из французского и итальянского и комбинировала из них некоторое подобие языка, аналогично тому как Хелен Смит заполняла пробелы между словами действительного санскрита продуктами собственной фантазии, напоминающими язык. Кажущиеся иностранными имена из мистической системы большей частью также восходят к известным корням. Уже сами круги живо напоминают схемы движения планет, которые прилагаются к каждому школьному атласу. Внутреннее сходство с отношением планет к Солнцу также достаточно очевидно, и мы не ошибемся, если и в именах усмотрим реминисценции из популярной астрономии. Так, например, имена вроде Персус, Фенус, Ненус, Сирум, Сирус, Фиксус и Пике объясняются как ребячески переделанные Персей, Венера, Сириус и неподвижная (fix) звезда (как и с вариациями по поводу вены). Магнезор живо напоминает магнетизм, о мистическом значении которого пациентка знала по «Ясновидящей из Преворста». Коннесор составляет противоположность Магнезору, поскольку его первый слог напоминает французское «contre». Хипос и Хифонизмус напоминают о гипнозе и

гипнотизме, о значении которых, как известно, в непрофессиональных кругах бытуют самые фантастические представления. Многократно использованные окончания на «-ус» и «-ос» являются теми предметами, по которым непрофессионал, как правило, замечает разницу между латынью и греческим. Прочие имена, во всяком случае, обязаны своим происхождением подобным случайностям, о которых мы не можем знать. Скучная глоссолалия нашего случая не претендует, конечно, на то, чтобы выступать классической парадигмой криптомнезии, поскольку заключается в бессознательном использовании различных впечатлений, частью оптических, частью акустических, происхождение которых не составляет загадки.

2. Криptomнестический образ посредством ощущения проникает в сознание (в качестве галлюцинации). Классическим примером этого является опять же Хелен Смит. Сошлюсь на вышеприведенный случай с числом 18.

3. Образ проникает в сознание посредством моторного автоматизма. Хелен Смит потеряла брошь, которой очень дорожила, и озабоченно искала ее повсюду. Десять дней спустя ее проводник Леопольд посредством стола сообщил ей, где можно найти пропажу. В соответствии с полученными указаниями брошь была найдена в чистом поле, ночью, под слоем песка¹³⁰(1. с, р. 378.). Строго говоря, при криптомнезии речь идет не о возрастании функций в собственном смысле слова, так как сознательная память обнаруживает не возрастание своей функции, а обычное обогащение содержания. Просто благодаря автоматизму некоторые области становятся доступными сознанию тем непрямым путем, который был закрыт для них прежде. Однако при этом не совершается никакого бессознательного действия, которое количественно или качественно превосходило бы способности сознания. Криptomнезия является поэтому лишь видимостью возрастания функций, в отличие от гипермнезии, которая действительно является таковым¹³¹(Связанный с этим случай у Краффт-Эбинга, 1. с, р. 57 f.).

Выше мы говорили о превосходящей сознание восприимчивости бессознательного, имея в виду главным образом простые опыты по передаче мыс-

лей с числами. Как уже упоминалось, не только наша сомнамбула, но и большинство здоровых людей в состоянии угадать длинные последовательности мыслей по вибрации стола, если они не носят особо сложного характера. В этих экспериментах представлен прафеномен тех более редких и несравненно более удивительных случаев, которые иногда демонстрируют сомнамбулы¹³²(«Ограничение ассоциативных процессов и концентрация внимания, удерживаемого на определенной области представлений, могут привести к такому развитию мыслей, которое было бы недостижимо для волевого усилия в бодрствующем состоянии» (Loewenfeld, *Der Hypnotismus*, p. 289).). То, что эти явления связаны не только со сферой сомнамбулизма, но бывают и у лиц, свободных от патологии, показывает нам, например, Цшокке¹³³(*Eine Selbstschau*, p. 227.) в своем «Самообзрении».

Представляется, что подобные явления могут формироваться различными путями. Прежде всего тут следует рассмотреть уже упоминавшуюся утонченность бессознательных восприятий. Далее, необходимо подчеркнуть большое значение ненормальной суггестивности сомнамбул, о которой свидетельствуют опыты. Сомнамбула не только «облекает в плоть и кровь» каждую суггестивную мысль, но вживается в суггестию *par excellence*, вживается в личность врача и наблюдателя с преданностью и самоотверженностью, характерными для суггестивных истериков. Прекрасный пример этого мы находим в отношении фрау Хауфе к Кернеру. Не следует удивляться, что в подобных случаях имеет место высокая степень комплексности ассоциаций — на это обстоятельство следовало бы, возможно, обратить большее внимание, скажем, Рише в его экспериментах с ментальной передачей мыслей. Наконец, есть и такие случаи сомнамбулического возрастания функций, которые нельзя объяснить одной только гиперестезией бессознательной деятельности чувств и комбинированием ассоциаций, но необходимо признать высокое развитие интеллектуальной деятельности бессознательного. Расшифровка интендированных вибраций стола требует не только исключительной сенситивной, но и сенсорной чувствительности, которая только и

делает возможным комбинирование отдельных перцепций в законченное мыслительное единство; и это при условии, что вообще возможна аналогия между бессознательным и сознательным процессами познания. Ведь всегда следует иметь в виду возможность того, что в бессознательном чувства и понятия не обособлены так отчетливо, а, возможно, даже слиты воедино друг с другом. Интеллектуальный подъем, который демонстрируют в экстазе многие сомнамбулы, является хотя и редким, но определенно наблюдаемым фактом¹³⁴(Жиль де ла Туре говорит: «Мы видели сомнамбул — бедных, необразованных, в бодрствующем состоянии малоодаренных девушек, все поведение которых менялось, как только их усыпляли. Перед этим они бывали скучны, а тут становились оживленными и возбужденными, иногда даже одухотворенными» (Цит. по: Loewenfeld, *Der Hypnotismus*, p. 132).), и схему, сочиненную нашей пациенткой, я хотел бы охарактеризовать именно как возрастание функций, выходящее за рамки ее нормального интеллекта. Мы уже видели, откуда могли взяться отдельные моменты этой схемы. Другим ее источником являются, возможно, круги жизни фрау Хауфе, которые изображены в книге Кернера. Представляется, что это было исходным пунктом в детерминации внешней формы. Как уже отмечалось в описании этого случая, идея дуализма обязана своим происхождением воспринятым обрывкам разговоров, при которых пациентка, будучи в мечтательном состоянии, присутствовала после своих экстазов.

На этом исчерпывается мое знание источников, из которых пациентка привлекала материал для своего творчества. Откуда пришла главная идея — пациентка не могла ответить на этот вопрос. Конечно, я просмотрел оккультную литературу в этом направлении, поскольку последняя оказывалась в поле моего зрения, и даже открыл множество параллелей нашей гностической системе в различных столетиях, но они рассеяны по разным произведениям, которые в большинстве своем пациентке совершенно недоступны. Если к тому же учесть ее молодость и особенности ее окружения, то возможность подобного исследования с ее стороны можно уверенно исключить. Краткий

анализ системы на основе данных пациенткой разъяснений показывает, сколько духовных сил потребовала эта конструкция. Насколько высоко можно оценить это интеллектуальное достижение — это дело вкуса. Но, учитывая юный возраст и духовный мир пациентки, его, во всяком случае, следует признать исключительным.

2. Заключительное слово

Я далек от того, чтобы считать результаты этой работы окончательными и научно вполне удовлетворительными. Вопреки общественному мнению, у которого для так называемых оккультных феноменов нет ничего, кроме презрительной усмешки, я стремился представить глубокую связь последних со сферой опыта врача или психолога и указать на многочисленные важные проблемы, которые еще ставит перед нами эта неисследованная область. Прделанная работа дала мне уверенность, что в данной области зреет богатый урожай для экспериментальной психологии, а также сознание того, что наша немецкая наука слишком мало занимается этой темой. Последняя причина побудила меня также вывести анализ случая сомнамбулизма из области чистой патологии и сориентироваться во взаимном отношении сомнамбулизма и патологии в целом. Этой работой я надеялся способствовать тому, чтобы наука проторила путь к более глубокому прояснению и ассимиляции психологии бессознательного, вокруг которой до сих пор еще не утихают споры.